

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА
Горький
КВЕСТ

Том 1

Горький квест

Александра Маринина
Горький квест. Том 1

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Горький квест. Том 1 / А. Маринина — «Автор»,
2018 — (Горький квест)

ISBN 978-5-04-096993-7

Один из самых необычных романов Александры Марининой. При подготовке к его написанию автор организовала фокус-группы, состоящие из молодых людей, никогда не живших в СССР. Цель – понять, как бы они поступили в той или иной ситуации, если бы на дворе были 70-е годы прошлого столетия. Представьте, что вы оказались в СССР. Старые добрые семидесятые: стабильность и покой, бесплатное образование, обед в столовой по рублю, мороженое по 19 копеек... Мечта?! Что ж, Квест покажет... Организаторы отобрали несколько парней и девушек для участия в весьма необычном эксперименте – путешествии в 1970-е годы. В доме, где предстоит жить добровольцам, полностью воссоздан быт эпохи «развитого социализма». Они читают пьесы Максима Горького, едят советские продукты, носят советскую одежду и маются от скуки на «комсомольских собраниях», лишенные своих смартфонов и прочих гаджетов. С виду – просто забавное приключение. Вот только для чего все это придумано? И чем в итоге закончится для каждого из них?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096993-7

© Маринина А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александра Маринина

Горький квест. Том 1

© Алексеева М.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

Это полный идиотизм!

– Вы меня разыгрываете?

Глаза юриста слегка прищурены, брови приподняты, все лицо его, моложавое и ухоженное, выражает брезгливое недоверие. Что ж, его можно понять. В такое действительно поверить непросто. А если уж совсем честно говорить – то поверить трудно.

– К сожалению, я серьезен как никогда. Кажется, в России принято в подобных случаях говорить «полный идиотизм», я не ошибаюсь?

Юрист рассеянно кивнул, обдумывая услышанное, потом спохватился:

– Я бы не стал называть ваш проект идиотизмом... – чуть виновато проговорил он. – Но согласитесь, все это более чем необычно. Я бы даже сказал: странно.

– Согласен, – кивнул я. – Но что поделать, таково доставшееся мне наследие, и финансовое, и биологическое. Мой дальний предок, Джонатан Уайли, был таким человеком, которых принято называть эксцентричными. У него был ужасный характер, он перессорился со всей родней, ни с кем не поддерживал отношений, а общий язык мог находить только с такими же эксцентричными людьми, как он сам. Видимо, эта его особенность воплотилась и во мне.

– И..? – Брови юриста чуть сдвинулись, обозначая непонимание.

– Среди потомков Уайли я не один такой, – улыбнулся я. – Странные, кажущиеся глупыми и необъяснимыми поступки совершали и другие представители нашей семьи. И это, как мне думается, еще раз подтверждает, что в целом затея Джонатана Уайли и его единственного близкого друга Роберта Купера не так уж абсурдна. Разумеется, я понимаю, что за сто пятьдесят лет жизнь значительно изменилась, мир стал совсем иным, и предвидеть этого Уайли и Купер в те годы никак не могли. Жизнь текла медленно, письма шли долго, путешествия, на которые сегодня тратится несколько часов, тянулись месяцами. Тогда, в конце шестидесятых годов позапрошлого столетия, казалось, что и через сто пятьдесят лет все будет устроено так же, а если перемены и произойдут, то незначительные и в основном чисто технического характера. По их представлениям, слово джентльмена останется таким же неизблемым эталоном надежности, а пожелания родителей будут неукоснительно выполняться детьми. Одним словом, моего предка и его друга обуял грех гордыни: они сочли, что в состоянии все учесть и все просчитать наперед.

Юрист некоторое время молчал. Я терпеливо ждал, рассматривая серый пейзаж за окном, и немного сожалел, что конференция по проблемам перевода, на которую меня пригласил Институт русского языка, проходит в такой безрадостный дождливый сезон. Мне нравилось бывать в Москве, я приезжал в Россию много раз, но никогда прежде здесь не было так уныло и некрасиво, как сейчас.

Мы сидели в тихом безлюдном баре отеля, в котором я остановился. По вечерам здесь сиживало не более трех-четырех человек, а днем посетителей не было вообще, я хорошо это помнил по предыдущему приезду два года назад. Отель мне понравился еще тогда, он был небольшим, но неоправданно, просто безумно дорогим, поэтому гостей в нем немного. С точки зрения «здоровой» экономики такой отель – это как раз то, что можно назвать «полным идиотизмом». Но в России экономика не здоровая, а отмывания денег никто еще не отменил. Излишние траты в данном случае меня не смущали, хотя я никогда не был мотом и транжирой, а уровень комфорта казался более чем удовлетворительным. Самое главное – малоллюдно, а значит – тихо. Для меня это очень существенно.

Молчание затягивалось, и мне это не нравилось.

– Если у вас есть сомнения, я готов предоставить все документы, – предложил я.

Мой собеседник вздохнул:

– Хорошо, я верю, что вы меня не разыгрываете. Но у меня остаются вопросы.

– Постараюсь ответить полно. И гарантирую, что отвечу честно.

– Зачем вам это? Насколько я понял, вы не принадлежите к той ветви потомков, на которых лежит... Как бы это сказать... Моральное обязательство. Вы не ученый и не писатель, вы переводчик, и создание монументального труда...

Он снова запнулся, но я отлично понял, что он хотел сказать: «Создание монументального труда вам не по зубам, тем более в вашем преклонном возрасте, когда нормальные люди уже не берутся осваивать новые профессии». Именно эти слова я уже слышал, только из уст совсем другого человека. И именно они заставили меня всерьез взяться за выполнение условия Уайли – Купера. Впрочем, не только они...

– Мне семьдесят шесть лет, – ответил я, не дожидаясь, пока юрист подберет приемлемые слова для выражения своей мысли. – И я профессиональный переводчик. В моем арсенале четыре языка, с которых я перевожу на английский научную литературу – доклады, статьи, монографии по физике, химии и биологии. И еще пять языков, владение которыми позволяет мне переводить любые тексты, не требующие специфических научных знаний. Этой работой я занимаюсь почти шестьдесят лет, а иностранные языки начал изучать в трехлетнем возрасте. Полагаю, вы вполне можете представить себе уровень и качество работы моего мозга и состояние памяти. Так что если вас смущает мой интеллектуальный потенциал, то могу вас успокоить. А на ваш вопрос: «Зачем?» – отвечу: люблю новизну, люблю учиться, люблю осваивать то, чего раньше не делал. Я ведь предупреждал вас, что унаследовал некоторую долю эксцентричности Уайли.

Он кивнул, видимо, удовлетворенный моим объяснением.

– Тогда я могу считать, что и на второй вопрос вы ответите так же, со ссылкой на особенности характера, – констатировал он задумчиво. – Я собирался спросить, почему вы придумали такой странный и трудоемкий метод сбора материала. Но вы ведь и его наверняка стали бы оправдывать своей эксцентричностью, верно?

– Верно, – рассмеялся я. – Но не думайте, что я не пытался решить вопрос другим способом, более легким и простым. Я провел много времени в беседах с русскими эмигрантами, но удовлетворительного результата не получил. Тот, кто мыслит как двадцатилетний юноша, не жил в России в семидесятые годы прошлого столетия, а те, кто жил и был в то время молодым, сейчас уже зрелые люди в солидном возрасте, они не в состоянии перешагнуть через собственный жизненный опыт, накопленный за все последующие годы. К тому же я не только эксцентрик, но и одинок, и весьма состоятелен, наследников у меня нет, а вкус к жизни и новизне сохранился. Так почему бы не поставить эксперимент, пусть даже трудоемкий и финансово затратный?

– Еще вопрос: почему вы решили приступить к работе сейчас? Вы ведь сказали, что по условиям Уайли – Купера материал должен собираться на протяжении ста пятидесяти лет, начиная с тысяча восемьсот семидесятого года, то есть до две тысячи двадцатого года, и только после этого на рассмотрение конкурсной комиссии можно будет представлять результаты. У вас впереди еще три года, даже чуть больше.

– Понимаю ваше недоумение. Сейчас только ноябрь шестнадцатого года, и вам кажется, что я взялся за дело слишком рано. Вы молоды, друг мой, и, как и все люди вашего возраста, строите планы на годы вперед, исходя из того, что сможете их осуществить, если не помешают какие-то уж совсем крайние обстоятельства. Но вероятность подобных обстоятельств вы оцениваете как очень маленькую, я прав? В оценку вероятности вы закладываете экономическую составляющую в первую очередь, но почти никогда не закладываете составляющую естественную, физиологическую. Вам ведь в ваши годы не приходит в голову думать: а что будет, если я попаду под машину и останусь обездвиженным инвалидом, правда? Когда вам меньше трид-

цати пяти, вы обычно не принимаете в расчет болезни, несчастные случаи и тем более смерти. Когда вам за семьдесят, вы при составлении любых планов в первую очередь думаете именно об этом. Не помешает ли болезнь сделать то, что я задумал? И буду ли я вообще к этому времени еще жив? Жизнь сделала меня осторожным и предусмотрительным, поэтому я приступил к работе с большим запасом времени. Все доступные на сегодняшний день материалы я тщательно изучил и за последний год сделал довольно приличный анализ. Добавить к нему данные еще за три года – дело нескольких недель, а возможно, и дней. Сегодня я еще полон сил и энтузиазма, но кто знает, каким я стану через три года, если доживу? Возможно, как раз через три года большой труд окажется мне и в самом деле не по силам, а вот доделать совсем небольшую часть я вполне буду в состоянии.

Юрист снова умолк, но на этот раз не для того, чтобы подумать: он делал какие-то записи в раскрытом перед ним блокноте.

– Тогда у меня возник еще ряд вопросов, – проговорил он, отложив ручку в сторону. – Вы поддерживаете отношения с родственниками той ветви, которая непосредственно занималась сбором материалов?

Я не собирался лгать или что-то скрывать. Но хотелось ответить как можно более кратко. Разговор меня утомил, я вообще не люблю подолгу разговаривать.

– Почти не поддерживаю. Если быть точным – я не общался ни с кем из них с девяносто второго года, то есть с того момента, как они эмигрировали в США из России. Когда они приехали, состоялось наше знакомство, очень кратко, буквально в течение пары часов. Они мне не понравились, никаких родственных чувств я к ним не испытывал, мило поболтал с ними о каких-то пустяках и распрощался. Прошло двадцать лет, на протяжении которых я не питал к ним ни малейшего интереса, равно как и они ко мне, как только поняли, что я не собираюсь брать на себя функции опекуна, заботящегося о несчастных, сбежавших от коммунистического режима в поисках лучшей доли. Коммунистического режима, правда, к тому времени уже не было, он рухнул, но в США их ждали вполне приличные деньги, которые оставались недоступными, если бы эти люди жили в России. Если сформулировать более точно – мои родственники не знали, в каком направлении пойдет экономическое развитие их страны, какие будут приниматься законы касательно валюты, и не были уверены, что смогут воспользоваться лежащими на американском счете деньгами. Как я успел понять из их рассказов, отъезд из России и жизнь за границей были давней, многолетней мечтой всей их семьи. Их было трое: пожилая женщина, ее дочь лет тридцати пяти примерно и внук-подросток. Три года назад я случайно столкнулся с этим внуком в конторе адвокатов, которые ведут дела нашей семьи, и узнал, что он собирается выполнить условие Уайли – Купера и получить причитающееся вознаграждение. Вот этого я допустить не могу.

– Почему?

– По личным причинам. Если вы настаиваете на их раскрытии, то нам с вами придется уделить этому вопросу еще какое-то время, но уже не сегодня. Сегодня мне нужно получить ваше принципиальное согласие на сотрудничество и составить план действий. Если вы отказываетесь, то я оплачу время, которое вы потратили на нашу встречу, и буду искать другого юриста.

Он не отказался. То ли сумма предложенного мной вознаграждения выглядела привлекательной, то ли сама затея показалась любопытной, а возможно – и то, и другое одновременно. Я несколько раз озвучил свое главное требование: все должно быть абсолютно законно и прозрачно, чтобы не возникало ни малейших проблем с государственными органами.

– Мы создадим юридическое лицо, в уставных целях которого укажем «проведение краткосрочного эксперимента для изучения поведенческих реакций в условиях отказа от современных носителей информации», – предложил юрист. – И все будет честно и открыто. Не возражаете?

Разумеется, я не возражал. Такая формулировка полностью соответствовала действительности.

– Сколько времени вам нужно на ваш эксперимент?

– Надеюсь уложиться в месяц. Буду рад, если получится быстрее.

– А если за месяц вы не достигнете желаемого результата?

– Значит, я потерплю поражение, – улыбнулся я. – Практика показывает, что мозговой штурм не может быть эффективным, если длится дольше месяца. Люди устают, глаз замыливается.

– Иными словами, вы готовы к тому, что ваши усилия и финансовые затраты могут оказаться бесполезными? – уточнил юрист.

– Готов. Я уже в том возрасте, когда готов к любому повороту событий.

– В какие сроки вы предполагаете провести всю подготовительную работу?

– Было бы неплохо, если бы вы уложились в полгода... Это реально?

Юрист задумался, что-то прикинул, покачал головой.

– Если вы готовы платить, то вполне можно успеть. Над вашим проектом должна работать целая команда: юридическое оформление, выбор объекта, решение массы технических проблем с оборудованием, кастинг и отбор участников, подбор персонала... Если делать это малыми силами и последовательно, времени потребуется много. Если приступить к работе одновременно по всем фронтам, придется задействовать многих людей, и все они должны получать свою зарплату. Не говоря уже о том, что при решении вопросов на административном уровне...

– Да, – продолжил я, – мне известна практика вашей страны. Не могу сказать, что она мне нравится, но я не борец за преобразование мира. Я привык принимать все таким, каким оно является.

Юрист еще раз пробежал глазами свои записи.

– Господин Уайли, ваши пожелания по персоналу...

– С ними что-то не так? – нахмурился я.

– Нет-нет, мне все понятно, кроме одного: вы просите двух переводчиков-синхронистов. Зачем они вам? Вы прекрасно говорите по-русски.

Я рассмеялся:

– Друг мой, я всю жизнь занимался письменными переводами. Мой русский хорош в достаточной мере, не спорю, но он в значительной степени академичен, у меня нет навыка восприятия на слух современной разговорной речи с ее оборотами и идиомами, принятыми в бытовой среде. Мозговой штурм – это обсуждение, участники будут говорить быстро, одновременно, перебивая друг друга. Моего знания русского языка не хватит на то, чтобы услышать и адекватно воспринять все сказанное, а я ведь не могу позволить себе упустить важную мысль. Я стараюсь предусмотреть все возможные сложности. Хотя и понимаю, что это нереально. Пример моего предка Уайли и его друга Купера свидетельствует об этом весьма наглядно.

Юрист поднялся и потянулся к куртке, небрежно брошенной на соседнее кресло.

– Мне нужно два дня на первоначальную проработку и составление первого варианта плана, – сказал он. – Вас устраивает?

– Вполне.

Он застегнул молнию, поправил шарф и капюшон, аккуратно сложил в портфельчик на длинном ремне свои вещи – блокнот, гаджеты, ручку. Уже сделав шаг в сторону выхода, внезапно обернулся и спросил:

– И все-таки, господин Уайли, почему? Почему все началось именно в тысяча восемьсот семидесятом? Что тогда произошло?

– За год до этого вышла книга Фрэнсиса Гальтона «Наследственный гений».

Юрист пару секунд стоял молча, потом кивнул и ушел. Я был совершенно уверен, что он никогда не слышал ни о Гальтоне, ни об этой книге и вряд ли что-то понял из моего ответа. Но ответ был честным. Именно так все и произошло.

* * *

Мой прапрадед Джонатан Уайли, по мнению его современников, был просто невыносим. Владелец огромного состояния, доставшегося ему в наследство, он ухитрился жениться по любви на дочери богатого торговца алмазами из Голландии, за которой дали приданое, вполне сопоставимое с размерами капиталов самого Уайли. Прапрабабка моя Эмилия страдала сильными и частыми приступами мигрени, Джонатан страдал вместе с ней, возил ее по самым известным докторам и лечебницам, но ни пиявки, ни кровопускание, ни горячие ванны не помогали. Помогали только опиаты. После рождения первого ребенка, моей прабабки Грейс, приступы на какое-то время прекратились, и супруги решили, что средство борьбы с неизлечимым недугом наконец найдено. Они так радовались наступившей в скором времени второй беременности Эмилии! Однако младенец умер, не дожив и до трех месяцев. Третья беременность прервалась задолго до срока родов, после чего приступы мигрени возобновились и стали еще более тяжелыми и длительными. Эмилия, истовая пуританка, считала своим единственным долгом быть хорошей женой и матерью и глубоко переживала, что не может из-за своей болезни выполнять возложенные на нее обязанности. Не смогла родить много детей, не уделяет мужу и дочери достаточно времени и внимания, ибо вынуждена при каждом приступе два-три дня не выходить из своей комнаты, где царил постоянный полумрак. В конце концов несчастная Эмилия впала в черную меланхолию, от которой единственным спасением стали все те же опиаты. Финал оказался ужасен, хотя и предсказуем: перемены в ее поведении сделались столь заметны окружающим, что Джонатан счел за благо усладить больную жену подальше, ведь нужно было думать о будущем Грейс, а кто захочет взять в свою семью девушку, когда психическое здоровье ее матери вызывает сомнения? Эмилия вернулась в Голландию, к своим родителям, и там довольно скоро умерла. Джонатан подозревал, что смерть жены была добровольной, но тесть и теща всячески этот факт отрицали. Их можно было понять: самоубийство по религиозному канону считалось огромным грехом, кладущим несмываемое пятно позора на всю семью.

Итак, к сорока годам мой прапрадед Уайли остался вдовцом с малолетней дочерью на руках. Он очень любил свою жену, и вынужденная разлука с ней далась ему отнюдь не легко, а смерть Эмилии произвела огромные изменения в его душе и рассудке. Оставив десятилетнюю Грейс на попечение гувернанток, Джонатан отправился путешествовать. Вернулся он через пять лет, преобразившийся до неузнаваемости. Оказалось, что все эти годы он переезжал из одной европейской страны в другую в поисках врачей, которые умели бы лечить мигрень. Исцеление от болезни, сломившей дух его любимой жены, превратилось для Уайли в наваждение, в навязчивую идею. Он находил медиков, завязывал знакомство, подробно выспрашивал их мнение о причинах болезни и способах ее облегчения, и если слышал что-то новое – немедленно предлагал деньги для проведения необходимых исследований и экспериментов. Он готов был на все, начиная от спонсирования бедных студентов, если в их головах возникали интересные теории о мигрени, и заканчивая строительством специальных клиник для изучения и лечения недуга. Неизвестно, сколько еще лет Джонатан провел бы в странствиях, если бы в Лондоне, где он с огромным интересом ходил на лекции Фрэнсиса Гальтона, его не застало письмо младшей сестры, в котором она напоминала брату о том, что его единственной дочери Грейс исполнилось пятнадцать, и если отец хочет иметь возможность влиять на дальнейшую судьбу девушки, то ему пора бы вернуться, чтобы быть рядом с будущей невестой. Девушка стала необыкновенной красавицей, и, учитывая ее положение единственной наследницы огромного

состояния, необходимо твердое и мудрое руководство отца, дабы уберечь девицу от возможных необдуманных шагов.

Из Европы Джонатан Уайли вернулся не один. Вместе с ним по трапу парохода спустился молодой человек, англичанин, по имени Роберт Купер – один из тех студентов, кому оказывалась финансовая помощь. Купер был увлечен проблемами неврологии, и в его голове роились бесчисленные идеи, одна другой оригинальнее. Кроме того, Роберт был не только убежденным атеистом, но и человеком, не понимающим слов «правило» и «обычай», а посему оказался одним из очень немногих, кто воспринимал чудаковатого американца без критики, удивления или скепсиса. Между миллионером Уайли и талантливым начинающим ученым завязалась настоящая дружба. Уайли предложил Куперу ехать вместе с ним в Америку, где обещал предоставить самые широкие возможности для занятия наукой.

Появившись дома, Джонатан уделил некоторое время дочери, оценил ее расцветшую красоту и уровень подготовки, которой на протяжении пяти лет занимались три гувернантки, после чего отправился с визитом к сестре, жившей со своим семейством в другом городе.

– Ты правильно поступила, вызвав меня, – констатировал он.

Сестра тут же принялась перечислять знатные семейства, имеющие сыновей подходящего возраста и уже проявившие интерес к Грейс Уайли, но Джонатан перебил ее:

– Моя Грейс предназначена не для этого. Я поговорил с ней и теперь знаю, что ты постоянно пишешь ей письма, в которых обсуждаешь ее будущее замужество. Так вот: если ты позволишь себе еще хоть раз завести с моей дочерью подобный разговор, можешь считать, что у тебя нет старшего брата.

Сестра сперва удивилась, потом недоумевала, потом пыталась возражать, разговор продолжался уже на повышенных тонах и завершился ссорой, столь же бурной, сколь необратимой: отношения оказались разорванными навсегда.

В течение последующих нескольких месяцев жизнь дома Джонатана Уайли кардинально преобразилась. Из трех гувернанток уволили двух: ту, которая отвечала за обучение «правильной жизни в обществе», манерам, этикету, светской беседе и домоводству, и ту, в обязанности которой входили музыка, живопись и танцы. Третья гувернантка, эмигрантка из Швейцарии, обучавшая Грейс основам естественных наук и французскому, была оставлена для преподавания немецкого языка. На рояль надели чехол, мольберт и краски с кистями нашли прибежище в чулане, бальную залу переоборудовали в библиотеку-лабораторию с огромными столами, на которых громоздились чертежи: для проведения экспериментов и опытов Роберту Куперу требовался питомник, где он мог бы работать с животными. Уайли увлеченно занимался организацией условий для научной деятельности своего молодого друга, напрочь пренебрегая общепринятыми светскими правилами: не делал визитов по случаю возвращения после длительного отсутствия и не отдавал их, а тех, кто наносил визиты ему самому, не принимал; не принимал и приглашений на приемы, вечера и балы, при этом не утруждаясь написанием вежливых отказов; при случайных встречах со знакомыми даже не пытался делать вид, что интересуется беседой, на вопросы отвечал скупой и равнодушно и всячески давал понять, что хотел бы поскорее закончить разговор... Даже недавнее создание Республиканской партии, конфликты Северных штатов с Конфедерацией, нерешенные проблемы заселения Западных земель – вопросы, без обсуждения которых не обходился в обществе ни один разговор между представителями сильного пола, – не интересовали Джонатана.

Вместо двух уволенных гувернанток для занятий с Грейс выписали двух преподавателей из Германии и Англии, на них возложили обязанность дать девушке хотя бы минимальные знания из области физиологии и медицины.

– Ты станешь звездой научного мира, – убежденно повторял Уайли своему другу Куперу, – а Грейс станет твоей правой рукой, помощником, ассистентом. Только не вздумай, что я позволю тебе жениться на ней.

При этих словах Роберт заливался краской и отводил глаза. Он был по уши влюблен в юную красавицу, и ни для кого это не было секретом. Грейс тоже посматривала на него с интересом, и все обитатели дома Уайли были уверены, что брак между молодыми людьми – всего лишь вопрос времени. В пятнадцать лет, конечно, рановато еще, а года через два уже можно и свадьбу сыграть. Правда, миллионеры своих дочек отдают обычно совсем в другие руки, и нищий начинающий ученый это совсем не та партия, на которую могла бы рассчитывать наследница капиталов Уайли, но мистер Джонатан стал таким странным после смерти жены, таким непредсказуемым, что от него вполне можно ожидать и такого...

Однако сам мистер Джонатан придерживался совершенно другого мнения. Его дочь – умница и красавица, она должна быть рядом с Купером и вместе с ним совершить прорыв в неврологии, найти средство, позволяющее полностью вылечить мигрень. Роберт вообще не должен жениться и заводить семью, он должен полностью посвятить себя науке и отдать все свои силы облегчению страданий больных. Семья будет только помехой, отвлекающей от главного. А для решения всяких интимных проблем существует масса разнообразных возможностей, начиная от хорошеньких вдовушек и заканчивая девицами из дорогих заведений. Этими возможностями и сам Уайли пользуется постоянно.

Что же касается дочери, то здесь все сложнее. Медики говорят, что женщина должна исполнить свое природное предназначение, иначе пострадает здоровье и испортится характер. Ну что ж, значит, Грейс нужно позволить выйти замуж и родить пару-тройку деток. Но при этом соблюсти неременное условие: ее муж должен быть человеком мягкотелым, бесхребетным, тихим, ни во что не вмешивающимся и умеющим быть счастливым от одного только факта, что он может жить, ни в чем себе не отказывая. Никаких амбиций, никаких устремлений, никакой патриархальной властности. Грейс будет заниматься научными исследованиями рука об руку с Купером, детьми займутся няньки и гувернантки, а муж будет сидеть тихо и не возмущаться тем, что жены целыми днями нет дома.

Была у Джонатана еще одна задумка, но он до поры до времени ни с кем ею не делился. Сперва он хотел закончить строительство питомника и увидеть, как Роберт и Грейс начнут вести исследования. Дочь радовала отца своим искренним интересом к наукам и заметными быстрыми успехами, но Уайли при всей своей эксцентричности все-таки допускал, что в значительной части этот интерес продиктован романтическими чувствами. «Это все глупости, – говорил он себе. – Первая юношеская влюбленность. Пройдет. Сейчас главное – дать девочке знания и пустить в научное плавание вместе с Купером, а когда она вкусит первый, пусть даже незрелый и кислый, плод успеха, она уже не сможет отказаться и будет делать так, как я велю. Она на все согласится, лишь бы почувствовать этот вкус еще раз. Успех сильнее любого наркотика. Морфий сломил дух Эмили. Успех укрепит дух нашей дочери Грейс».

За два месяца до семнадцатого дня рождения Грейс в питомник завезли первую партию животных. К этому времени Грейс знала и умела вполне достаточно, чтобы ассистировать Куперу: она научилась пользоваться микроскопом и разбиралась в строении тканей, могла делать уколы и перевязки, чистить и зашивать раны и не падала в обморок при вскрытии, отлично усвоила систему кровообращения и назубок выучила строение скелета. Кроме того, девушка изучила историю медицины в той ее части, которая касалась лечения мигреней, и сделала вполне определенный вывод: никто так и не разобрался, почему возникает эта болезнь и как ее лечить. Зато она прочла множество сделанных врачами и пациентами описаний проявления мигрени и пришла в ужас от того, какие страдания приходится переносить тем, у кого заболевание протекает в тяжелых формах.

– Бедная мама, – сказала она Джонатану, – она мучилась невыносимо. Если то, что ты подозреваешь о ее кончине, правда, то я не удивляюсь. Нужно иметь огромную волю к жизни, чтобы это вытерпеть.

– Теперь ты понимаешь, насколько важно найти способ помочь таким больным? – спросил Уайли.

– Да, папа, понимаю. Я сделаю все, что смогу.

– И не будешь мне перечить?

– Не буду. Я поступлю так, как ты скажешь.

Джонатан остался весьма доволен разговором. Собственно, ничего иного он от своей девочки и не ждал: покорность воле родителя – хорошая традиция, правильная, и гувернантки отлично справились со своей работой, вырастив Грейс послушной, доверяющей мнению отца и одновременно развивая ее ум в самых разных направлениях. Тогда, семь лет назад, он принял правильное решение, хотя все окружение удивлялось и недоумевало, для чего одной девочке целых три гувернантки, если испокон века достаточно было всего одной.

Пришло время заняться поисками подходящего жениха. Джонатан Уайли отправился в адвокатскую контору «Берлингтон и сын», где уже много лет велись дела его семьи.

– Соберите мне сведения обо всех, кто носит фамилию «Уайли», – заявил он.

– Вы ищете родственников? – деловито спросил Берлингтон, дородный плешивый мужчина, годами чуть старше самого Уайли. – Возникли какие-то новые обстоятельства с наследованием? Вы хотите изменить завещание?

– Я ищу жениха для своей дочери. И хочу, чтобы он носил имя Уайли.

– Можно поинтересоваться, для чего это нужно?

– Для того, чтобы моя дочь и в замужестве оставалась Уайли.

– Но зачем?

– Я не обязан это объяснять, – сердито ответил Джонатан. – Считайте это моей прихотью. Моя дочь должна остаться Уайли – и точка! Если она в браке не возьмет фамилию мужа, это вызовет ненужные толки. Кроме того, это смертельно обидит ее мужа и его семью, а этого мне хотелось бы избежать.

– Бог мой, Джонатан, – расхохотался адвокат. – Да ваше поведение в последние два года и без того вызывает массу толков! Все вас обсуждают и никто не понимает. И на вас обижено все общество. С каких это пор вас стали беспокоить толки, сплетни и обиды?

– Меня это не беспокоит ровно до того момента, пока не касается моей дочери, – сухо произнес Уайли. – Так вы сделаете то, о чем я прошу?

– Разумеется, – вздохнул адвокат. – Ваша семья наш давний клиент, мой отец вел дела вашего отца. И я сделаю все, что в моих силах. Вас интересуют только жители нашего города?

– Мне все равно. Пусть эти Уайли живут где угодно, лишь бы у них оказался подходящий сын.

– А если он не захочет жениться на вашей дочери?

– Захочет. Он в любом случае будет жениться не на Грейс, а на моих деньгах. Я куплю ей мужа, главное – не ошибиться с покупкой и выбрать наименее противного.

Адвокат снял очки и прищурился, разглядывая своего клиента.

– Джонатан, весь город говорит о том, что вы собираетесь выдать свою дочь за Купера, которого вы привезли из Англии специально для этой цели. Разве это не так?

– Это не так и никогда не было так, – отрезал Уайли. – Купер вообще не собирается жениться. Ни на ком. Я этого не допущу. А Грейс нужно выдать замуж за какого-нибудь более или менее приличного Уайли.

– Приличного? – переспросил Берлингтон-младший. – Вы имеете в виду деньги? Состояние?

– Я имею в виду характер. У меня есть определенные требования.

– И все-таки я не понимаю, для чего вам это нужно. Какая разница, какую фамилию будет носить ваша замужняя дочь, если эта фамилия не опозорена преступлениями или грехами?

– Потому что я так хочу, – твердо и невозмутимо ответил мой прапрадед...

* * *

Вы имеете полное право не поверить мне и спросить, откуда мне известны все эти подробности? Ваши сомнения вполне понятны, ведь события, о которых я рассказываю, происходили больше полутора веков тому назад. Дело в том, что Джонатан Уайли в 1870 году составил свое подробное жизнеописание, запечатлев в нем не только весь жизненный путь, но и отдельные сцены, эпизоды. Вот эти-то эпизоды я вам и пересказываю. Покончив с жизнеописанием, он принялся вести дневник и вносил в него записи каждые два-три дня вплоть до самой кончины в 1877 году.

Я самым внимательным образом изучил обе рукописи, перечитал их неоднократно, что и позволило мне составить определенное мнение о характере Джонатана. Поэтому когда я говорил юристу, что предок мой был весьма эксцентричен, а порой и просто невыносим, эти утверждения не были голословными. Он запретил Куперу вступать в брак, угрожая прекратить финансирование его исследований. Он выдал дочь замуж за человека, носящего фамилию «Уайли», бесхарактерного глуповатого мямлю, не способного ни к какой деятельности, кроме чисто биологического функционирования, но не способного в то же время и на подлость, воровство или предательство. Проще говоря, Фрэнк Уайли не был способен вообще ни на что, чем и приглянулся моему прапрадеду. Моя прабабка Грейс его не любила и не уважала, но с благодарностью терпела, ибо Фрэнк давал ей статус замужней дамы, что позволяло иметь детей, и ничем не мешал ее жизни, наполненной любовью к науке, к детям и к Роберту Куперу.

Шла война между Севером и Югом, когда Грейс в 1862 году родила Фрэнку первенца, сына. Второй ребенок, девочка, родился уже после окончания войны, в 1866 году, и отцом его был вовсе не Фрэнк. Джонатан прекрасно знал обо всем, более того, всячески содействовал тому, чтобы его дочь и его друг могли беспрепятственно любить друг друга. Он, познавший всю силу любви к женщине и всю бездонную горечь утраты, не без оснований считал, что сердечная привязанность способствует совместной работе, а вот общая семья этой самой работе может и помешать... Не берусь судить, прав он был или нет. Чудак, самодур, несносный человек – да, таким был мой прапрадед. Про таких иногда говорят: сумасшедший миллионер. Человек, вбивший себе в голову, что его имя должно остаться в науке на долгие века.

Спустя еще два года Грейс родила третьего ребенка, моего деда Фрэнка-младшего. На этот раз отцом снова был законный супруг. А еще через год, в 1869 году, появился труд Гальтона «Наследственный гений». И вот тут-то Джонатану в голову пришла его «великая идея», последствия которой я и расхлебываю спустя полтора века.

* * *

Юрист по имени Андрей и по фамилии Сорокопят, против всех моих ожиданий, объявился и впрямь через два дня с первым вариантом плана. Насколько мне известно, в России к соблюдению сроков относятся не слишком уважительно, посему я был приятно удивлен. План не вызвал у меня никаких возражений, да и какие могли быть возражения с моей стороны, если я совершенно не представлял, как устроены правовые и управленческие механизмы в России? Я не мог должным образом оценить ни набор включенных в план действий, ни их последовательность, ни сроки. Мне оставалось только положиться на компетентность и добросовестность Андрея Сорокопята. Однако был пункт в этом плане, который привлек мое внимание: «Поиск людей, знавших семью Лагутиных».

– Вы полагаете, это возможно? – усомнился я, ткнув концом ручки в строку документа. – Меня интересует период сорокалетней давности. Я, конечно, мало что понимаю в современной российской жизни, но моего личного опыта достаточно, чтобы предположить: все данные о

сотрудниках Лагутиных и их соседях по месту жительства находились на бумажных носителях и впоследствии, уже через четверть века, вряд ли переносились на электронные носители. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь, – лукаво усмехнулся юрист. – Но можно потратить время на то, чтобы поискать эти сведения в архивах. А возможно, все окажется еще проще. Я, не согласовав с вами, позволил себе предпринять всего одну небольшую попытку, и она, как ни удивительно, дала результат. Я забил в поисковик фамилии, имена и отчества интересующих вас персонажей и среди кучи всякого мусора выловил упоминание о них в интервью, которое давал ветеран МВД в связи с какой-то юбилейной датой уголовного розыска.

Я ушам своим не поверил.

– Какое отношение Лагутины могли иметь к уголовному розыску?

– Абсолютно никакого. Исключительно личные отношения, но начинались они, конечно, с профессионального. Прочтите сами, я распечатал интервью целиком и выделил маркером то, что может вас заинтересовать.

Я оценил его деликатность: текст был распечатан крупным шрифтом. Что ж, юрист уважает мой преклонный возраст, спасибо ему. Мысль о поисках друзей, коллег и знакомых семьи Лагутиных, конечно же, приходила мне в голову, но по здравому размышлению я ее отбросил как неперспективную. Зинаида Лагутина родилась в 1924 году, ее муж – в 1921-м, их друзья и коллеги никак не могли быть значительно младше, стало быть, сейчас им всем за 90. Ну, в самом крайнем случае, за 80. Скорее всего, и в живых-то мало кто остался. На соседей по дому надежды тоже немного: если какие-то дети в те годы знали Лагутиных, то вряд ли понимали происходящее, а со взрослыми расчет у меня получился примерно таким же, как и с друзьями и сотрудниками. В общем-то за эту ниточку тянуть можно, но результат будет столь мизерным, что не оправдает вложенных усилий.

Я принялся читать.

«**Корр.** Во времена Брежнева и Щелокова партийно-советская элита вмешивалась в работу по раскрытию и расследованию преступлений? И если вмешивалась, то в чем это проявлялось?

Н. Б. Вмешательство, разумеется, было, и шло оно на двух уровнях: общем и частном. На общем уровне существовал тезис о том, что по мере продвижения советского общества к коммунизму преступность будет неуклонно сокращаться, а когда коммунизм будет в скором времени построен, в нашем обществе не останется ни одного преступника. Кто первым выдумал такую глупость – сказать не берусь, но данный тезис требовалось постоянно подтверждать. Иными словами, в каждый отчетный период органы МВД должны были рапортовать о снижении уровня преступности и повышении раскрываемости. Не сможет руководитель конкретного органа подтвердить свой отчет красивыми цифрами – тут же получает по шапке от партийных и исполкомовских начальников. За неправильные показатели легко снимали с должности и переводили с понижением, объявляли выговоры. Так что всей милиции приходилось выкручиваться и манипулировать статистикой, чтобы в отчетах все выглядело как надо. Старались по возможности не регистрировать заявления граждан о преступлениях, а если уклониться от регистрации не удавалось, то искали варианты с квалификацией, чтобы признать содеянное менее тяжким, а в докладе потом заявить, что уровень тяжких преступлений заметно упал, остается в основном мелочовка. Или другой вариант: поступает сверху команда начать бороться с хищениями или взяточничеством. Понятно, что о таких преступлениях граждане сообщали милиции крайне редко, поскольку в этих случаях осведомлены только сами участники, которые заинтересованы в сокрытии своих деяний. Преступления такого рода нужно было выявлять самим работникам милиции, и уж тут, наоборот, чем шире размах, чем больше сумма, тем лучше. Есть о чем победно рапортовать! Крупного расхитителя поймали! А к концу отчетного периода, чтобы повысить показатели раскрываемости, начинали халтурить, быстро

заканчивать предварительное расследование, чтобы выставить карточку на переданное в суд дело. Раз передано в суд, значит, раскрыто. А то, что в этом деле дыра на дыре и вина человека почти не доказана, значения уже не имело. Ведь как рассчитывали? Да пусть дело сляпано на живую нитку, суд разберется и отправит его на дополнительное расследование, тогда мы все и доделаем как нужно. Но возвращенное дело пойдет уже в отчетность следующего года. Одним словом, ложный тезис очень на нас всех давил, с нас требовали и за невыполнение строго наказывали. Но это, как я уже сказал, на общем уровне. А на частном все было так же, как сейчас, никакой разницы, только если в те годы звонили из партийных и советских органов, то сегодня звонят или приносят конверты из других офисов. Кого надо – посадят, кого надо – отмажут. В этом смысле ничего не меняется.

Корр. А не было в вашей практике или практике ваших коллег случаев, когда партийные и советские органы, наоборот, помогли в раскрытии преступления и поимке преступника? Или они всегда только мешали?

Н.Б. В партийных и советских органах работали живые люди, и в этом качестве им, конечно же, приходилось сталкиваться с нами, сотрудниками уголовного розыска. Вот вы спросили сейчас – и я вспомнил ситуацию, когда на улице белым днем было совершено разбойное нападение на человека, имевшего при себе большую сумму денег, и нам нужно было проводить поквартирный обход двух домов, из окон которых просматривалось место преступления. Один из домов самый обычный, а второй заселен процентов на семьдесят руководителями разного уровня, в том числе партийными и исполкомовскими. Квартиры в этом доме просторные, с необычной для тех времен планировкой, и обставлены, сами понимаете, не той мебелью, какая у нас всех дома стояла. Мне тогда было лет тридцать или чуть меньше, жена, сынишка маленький, жилищные условия очень стесненные, а тут такие хоромы барские... Я в таких и не бывал никогда. В одну квартиру позвонил, в другую, нигде дальше порога не пускали, сразу заявляли, что ничего не видели, ничего не слышали – и до свидания. Разговаривают в буквальном смысле через губу. И вдруг в очередной квартире мне открывает дверь очень приятная дама, выслушивает мои вопросы и говорит: «Вы проходите, пожалуйста, раздевайтесь, у нас все дома, вот мы сейчас у всех и спросим. Мы как раз ужинать сели. Будете с нами?» А у меня списочек-то, составленный участковым, в руках, я же видел, к кому иду: в той квартире проживала семья Лагутиных, он – заворотгделом Московского горкома партии, она – из аппарата Мосгорисполкома, сын-студент и дочка-старшеклассница. Ну, думаю, напортачил участковый, с номером квартиры ошибся, не те это люди. На всякий случай спросил, оказалось – нет, не напортачил, и в самом деле Лагутины. Помнится, растерялся я в тот момент: с одной стороны, пригласили разделить трапезу, а я голоден ужасно, с самого утра на ногах и без обеда, с другой стороны – и неудобно, и время поджимает, ведь еще столько квартир обойти нужно! А с третьей стороны, если я откажусь от ужина и начну прямо сейчас задавать вопросы, то у людей еда остынет, хозяйка огорчится, а огорчать ее в ответ на проявленную любезность как-то не хотелось. Ну, я и пожелал им приятного аппетита и сказал, что зайду через полчаса. Обошел еще три этажа, вернулся к Лагутиным. Они усадили меня пить чай. Сам-то Лагутин оказался мужиком строгим, хмурым, немногословным, видно было, что все семейство его побаивается, а вот жена легкая такая, веселая, разговорчивая, гостеприимная. Детей тоже позвали, все добросовестно стали вспоминать, что делали около четырех часов дня, день-то был субботний, все дома находились. И представьте – девочка вспомнила, что видела машину, на которой приехали и уехали преступники! И не просто вспомнила машину вообще, а очень подробно ее описала, и даже дала кое-какие приметы одного из нападавших. Очень наблюдательная была девчонка, все примечала, все запоминала. Бандитов этих мы дня через три отловили, все совпало – и описание машины, и приметы. Мы с ребятами из отдела тогда скинулись, купили торт, меня отправили делегатом к Лагутиным, чтобы поблагодарить. Вообще-то такого мы никогда не делали, но тут как-то нас всех, что называется, проняло: и семья на своих соседей не похо-

жая, и девочка существенную помощь оказала... Вот с той поры и сложились у меня с семьей Лагутиных приятельские отношения, не очень близкие, но добрые и теплые. Так что партийные и советские работники бывали разными, не нужно всех одной краской мазать».

Орготдел горкома партии, аппарат Мосгорисполкома... Да, никаких сомнений, это те самые Лагутины, родственнички мои дальние. Надо же, нашелся человек, которому Зинаида Лагутина показалась приятной дамой, любезной, легкой и веселой. А вот мне она совсем не понравилась. Не было в ней ничего приятного, легкого и веселого. Любезность была, этого не отнять, но любезность какая-то вымученная, наигранная. Хмурого и строгого мужа ее мне увидеть не довелось, он умер задолго до того, как его семья уехала из России. А та женщина лет тридцати пяти с сыном-подростком, стало быть, как раз и была в прошлом наблюдательной и приметливой девочкой-старшеклассницей.

– Кто такой этот ветеран Эн Бэ? – спросил я.

Андрей вытащил еще один листочек с распечаткой.

– Назар Захарович Бычков, полковник полиции в отставке, тридцать пять лет прослужил в уголовном розыске, после чего перешел на преподавательскую работу. Теперь уже на пенсии. Есть адрес и телефон, если нужно.

– Думаете, он готов со мной встретиться? – без всякой надежды произнес я.

Если бы мне позвонили и попросили уделить время какому-то неизвестному иностранцу, интересующемуся людьми, которых я знал в незапамятные времена, я бы совершенно точно отказался. Не так много дней и лет осталось мне провести на этой земле, чтобы бездумно растрачивать отпущенное время на то, что мне не интересно.

– А почему нет? Вы ничем не рискуете. Если хотите, я сам позвоню ему и попробую договориться о вашей встрече.

– Попробуйте, – согласился я, ни на что, впрочем, особо не рассчитывая.

Андрей тут же взялся за телефон, и уже минут через десять место и время встречи с полковником в отставке Бычковым было определено: сегодня вечером, в 19 часов, здесь же, в холле отеля в центре Москвы.

– Я вам буду нужен? – спросил Сорокопят.

– Спасибо, не имеет смысла тратить ваше время на выслушивание того, что вам и без того известно. Мне ведь придется излагать господину Бычкову все с самого начала, иначе он меня не поймет. Так что мы уж с ним вдвоем побеседуем, по-стариковски. Кстати, сколько ему лет?

– Назар Захарович примерно ваш ровесник, за семьдесят. Но судя по манере речи, он весьма и весьма бодр и находится в прекрасной форме.

Мы еще какое-то время поработали над планом, после чего отправились вместе обедать в ресторан, расположенный через дорогу от отеля.

* * *

Очередь к кассе перестала двигаться: у расплачивающейся покупательницы возникли какие-то проблемы с банковской картой. Касс в супермаркете было всего три, и две из них закрыты. Дуня не злилась, она понимала: каждую осень, ближе к зиме, в городе начинается эпидемия очередного вида вирусной инфекции, все поголовно болеют, и всюду возникают проблемы с нехваткой персонала, и в банках, и в магазинах, и в поликлиниках. Да и время сейчас не горячее, первая половина дня, покупателей мало, очередей обычно не бывает. Вот только сегодня что-то застопорилось... Она присмотрелась к сидящей на кассе молоденькой девушке и сразу поняла: новенькая, совсем неопытная, потому и работает медленно, очередь собрала. Постоянных кассиров в этом магазине Дуня давно запомнила в лицо, она часто покупала здесь продукты: и от дома совсем близко, и выбор неплохой. Девушка вздохнула и принялась терпе-

ливо ждать, рассеянno разглядывая выставленные на стойке яркие пачки жевательных резинок и разных фруктовых драже.

В кармане куртки запереливался простенькой мелодией телефон, и в эту же секунду какая-то женщина с маленьким громко плачущим ребенком стала пробираться сквозь очередь. Ребенок размахивал руками, задевая пластиковые корзинки, женщина сердито одергивала малыша, Дуня сделала шаг в сторону и вытащила телефон, забыв посмотреть, кто звонит.

– Привет, – послышался такой знакомый, бархатный уверенный голос с неизменными снисходительными нотками. – Что поделяешься?

– Стою в очереди в магазине, – автоматически ответила она.

– Что покупаешь?

– Продукты. – Дуня зло усмехнулась. – Что еще я могу покупать? Не шубу же.

И тут же раскаялась в своих словах. Ну зачем, зачем она вступает в какие-то обсуждения? Ведь собиралась же... Давала себе слово... Пыталась взять себя в руки... И ничего не получается.

– Продукты? – чуть удивленно протянул бархатный голос. – Ты хочешь сказать, что учишься готовить? Или уже научилась?

Она промолчала. Готовила Дуня хорошо, ее еще бабушка учила, та самая, которая в молодости любила фильм «Евдокия» и настояла, чтобы внучке дали такое старомодное имя, из-за которого Дуне все школьные годы приходилось отвечать на дурацкие насмешливые вопросы. Родители хвалили ее стряпню, и Ромке тоже всегда нравилось то, что она готовила. И Ромкиным друзьям тоже нравилось.

– Ладно, – все так же снисходительно продолжал голос, доносящийся из мобильного, – уговорила, я готов попробовать, чему ты там научилась. Давай-ка купи хорошей рыбки благородных сортов, красной и белой, морепродукты какие-нибудь и сделай мне буйабес. Проверю, насколько ты продвинулась. Раньше, помнится, я твои произведения есть не мог.

– И ты хочешь дать мне еще один шанс, как говорят в американских фильмах?

Это прозвучало одновременно язвительно и устало, и девушка расстроилась еще больше. Ведь обещала же себе разговаривать с ним спокойно, равнодушно и по возможности кратко. Обещала-обещала – и вот результат...

– О! – обрадовался собеседник. – Ты стала разбираться в американском кино? Ты прогрессируешь, Евдокия! Наша временная разлука пошла тебе явно на пользу. У тебя появился шанс стать для меня интересным собеседником. Ты теперь сможешь без раздумий ответить на вопрос, сколько фильмов снял Вуди Аллен. Так сколько же?

Дуня молчала. Дама с проблемной картой наконец расплатилась, очередь сдвинулась. Она не знала, сколько фильмов снял Аллен, и вообще этот режиссер ей не нравился.

– Молчишь? Не знаешь? Ну хорошо, задам вопрос попроще: почему «Китайский квартал» считается вехой в американском кинематографе? Что такого нового и необычного в этом фильме? Тоже не знаешь? Ты его хотя бы смотрела?

Очередь сдвинулась еще на шаг, теперь перед Дуней оставалось только три покупателя. «Молчи, – твердила себе девушка, – молчи, не отвечай, не ввязывайся в разговор. А еще лучше – не слушай». Это было трудно. Она терпела из последних сил.

– Так вот, моя дорогая, – голос в телефоне стал твердым и строгим, – заруби себе на носу: никогда не пытайся делать вид, что разбираешься в чем-то, о чем не имеешь ни малейшего представления. Ты выглядишь глупо. Иди покупай рыбу, я вечером приеду и посмотрю, на что ты вообще способна...

Она не выдержала. Терпение закончилось, Дуня нажала красную кнопку «отбой», сунула телефон в карман и застегнула молнию. Спустя несколько секунд звонок раздался снова. Она терпела.

– Девушка, у вас телефон надрывается, – заметил стоящий за ней паренек азиатской внешности в грязноватой рабочей одежде.

– Спасибо, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

Снова достала телефон, сбросила вызов и выключила звук. Еще шаг к кассе. Скорей бы все это закончилось! Она придет домой и займется обычными хозяйственными делами. Выключить телефон нельзя – родители испугаются, если абонент окажется недоступен, они видят, какая Дуня мрачная и расстроенная в последнее время, переживают за нее и боятся, как бы она глупостей не наделала. И с работы тоже могут позвонить, нужно быть на связи. На сегодня ей дали отгул, чтобы мальчик-практикант попробовал поработать самостоятельно, но предупредили, что, если возникнут трудности и что-то срочное и ответственное, ее вызовут. Раньше Дуня работала в ломбарде, и ничего особо ответственного там не было, главное – отличить натуральные камни от искусственных, а теперь ее, специалиста-геммолога, взяли в солидную фирму, торгующую ювелирными изделиями, и здесь ответственность уже совсем другая, да и объем работы намного больше. Но дома есть возможность отвлечься на привычные бытовые заботы: приготовить еду, сделать уборку, белья неглаженого целая стопка накопилась. В конце концов, можно кино какое-нибудь посмотреть, книгу почитать.

Лежащий в кармане телефон вздрогнул: звук выключен, а вибрация осталась. Пришло какое-то сообщение. «Не смотри, – Дуня на мгновение крепко зажмурилась. – Не читай. Нет, ну как не читать? А вдруг это с работы? Или от мамы? Или еще что-то важное? Не обманывай себя, это не с работы и не от мамы, и ничего важного. Не смотри. Ну хорошо, посмотришь потом, когда выйдешь из магазина. Не читать ты не можешь, но хотя бы подождать три минуты ты в состоянии? Даже если тебя разыскивают с работы – три минуты ничего не решают».

Наконец она расплатилась и вышла на улицу. Телефон в кармане все жужжал и подергивался: настойчивые звонки чередовались с сообщениями. «Еще немножко, – уговаривала себя Дуня, направляясь к перекрестку, – вот перейду через дорогу – тогда и посмотрю». На светофоре сменялись красные цифры: 86... 85... 84... Как долго еще ждать зеленого сигнала... Вон там, на полпути к ее дому, есть скамейка, можно поставить на нее пакеты, вынуть телефон и посмотреть... Ну почему, почему она такая слабая! Почему она так нервничает, почему не может не отвечать на звонки! Что с ней не так?

Зеленый светофор на этом перекрестке был совсем коротким, всего 12 секунд, нужно идти быстро. Времени смотреть под ноги и тщательно выбирать, куда ступить, не было. Зато лужи, огромные и глубокие, были. Ноги ушли в воду по щиколотку, но Дуня этого даже не заметила, стараясь побыстрее добежать до скамейки, освободить руки от магазинных пакетов, достать телефон и... И – что? Получить очередную оплеуху? Она сошла с ума? Что с ней не так?

Дисплей на телефоне показывал 8 непринятых вызовов от абонента «Денис» и несколько сообщений от него же. «Не читай», – приказала себе Дуня и тут же открыла их.

«Не смей отключаться посреди разговора».

«Не смей сбрасывать мои звонки!»

«Немедленно ответь!»

«Ты меня слышишь? Ответь на звонок!!!»

Она заплакала. И вдруг увидела себя со стороны: серый дождливый грязный день, серая грязная улица, мокрая грязная скамейка, девушка в серо-черной куртке, с заплаканным мокрым лицом и грязной душой... Неужели так теперь будет всегда? Она, Дуня, теперь всегда будет чувствовать себя грязной и виноватой. Как она могла такое сотворить? Что с ней случилось? Морок какой-то... Ведь все было ярко, светло и радостно, было же, было! Зачем она полезла в этот беспросветный мрак? Ну да, она не знала, не предполагала, что отношения с Денисом окажутся мраком, они казались сперва блеском, вихрем, праздником. Денис так много знал, был таким умным, таким сильным, таким сложным, загадочным, непредсказуемым, и рядом с

ним искренний и открытый Ромка почему-то померк и стал выглядеть каким-то... пресным, что ли. Она не обманывала Ромку ни одного дня, сразу обо всем ему сказала, собрала вещи и ушла из той квартиры, которую он снимал и в которой они почти полтора года прожили вместе. Ромку она не обманула, а вот себя... Безумная всепоглощающая любовь, в которую Дуня погрузилась, как в омут, через несколько месяцев оказалась даже не влюбленностью и не увлечением, а невесть чем. Чем дальше – тем больше девушка ощущала, что ею манипулируют, ее унижают, изо дня в день углубляя в ней чувство собственной неполноценности, глупости, неумелости. Она – никчемная и бездарная, и ей страшно повезло, что такой замечательный умный и талантливый Денис хорошо относится к ней, терпит ее рядом с собой и, так уж и быть, даже любит. Иногда.

В какой-то момент Дуня смогла найти в себе силы посмотреть на ситуацию трезво и вернуться в родительский дом. С Денисом она простилась, а вот он с ней – нет. Он не отпускал. Звонил постоянно. Ежедневно ловил ее в соцсетях и писал сообщения. Иногда приходил к ней на работу, приносил цветы. Он не извинялся и не просил вернуться, общий тезис его посланий, как письменных, так и устных, всегда был одинаков: Евдокия просто валяет дурака, она совершила глупый поступок, уйдя от него, но он снисходительно относится к этой глупости и уверен, что она одумается, а он, мудрый философ, готов ее простить, если она покается и признает, что была неправа, и милостиво позволит ей вернуться. Дуня не понимала, что происходит и почему это происходит, она знала только одно: возвращаться к Денису она не хочет и не будет, но почему-то у нее не хватает внутренних сил на то, чтобы не читать его сообщения и не отвечать на его звонки. Разумеется, она сначала делала все, что обычно делают в таких случаях: заблокировала номер телефона Дениса, чтобы он не мог ей дозвониться, «забанила» его в соцсетях, исключив из числа «френдов», и тут же закрыла свои страницы, сделав их доступными только для тех, кто остался «в друзьях». Сделала – и уже через пять минут вернула все в прежнее состояние. Ей стало стыдно. Выходило, что она прячется от человека, который не сделал ей ничего плохого, не бил, не предавал. Уйти было ее решением, и с какой стати она собралась вести себя так, словно за что-то наказывает Дениса? Разве он виноват в том, что она больше не хочет быть с ним? Или все-таки хочет и теперь ждет, что он осознает свои ошибки и изменится?

Дуня не могла разобраться в себе, не могла понять, что с ней происходит. Она ничего не понимала. И вот теперь стояла посреди улицы возле скамейки с телефоном в руках и тихо плакала под холодным ноябрьским дождем. Аппарат в ее руке снова завибрировал: звонок от Дениса. Она всхлипнула, сбросила вызов и привычно полезла в список «недавних соединений», пролистала до конца, ища номер, и с болью осознала, что этого абонента там нет. Она так давно не звонила Ромке... И он ей тоже не звонил. Даже притом, что она регулярно чистила список, удаляя из него ненужные, случайные или повторяющиеся номера, и самый давний из звонков был датирован сентябрем прошлого года, Ромкиного телефона там не было, последний их разговор состоялся еще раньше, и количество сохраненных «недавних» вытеснило Дзюбу. Теперь его номер переместился в общий список контактов.

Руки дрожали, капли дождя падали на дисплей, от слез буквы расплывались. Что она делает? Зачем звонит Роману? Что собирается ему сказать? Наверняка он уже давно с другой девушкой, может, даже женился. Да какая разница, женился он или нет! Она должна только попросить прощения. Больше ничего. Она должна сказать ему, что ей стыдно. Потому что сказать очень хочется, просто нестерпимо, стыд жжет ее изнутри и отравляет, и получается, что никому она в своем стыде признаться не может. Никому. Кроме Ромки.

Номер не отвечал. Дуня позвонила еще раз, но результат оказался тем же. Внезапно ее парализовала страшная мысль: а вдруг с ним что-то случилось? Ранен? Погиб? Он же оперативник, случиться может все, что угодно. Третья попытка. Длинные гудки и никакого ответа.

Слезы мгновенно высохли. Дуня нашла номер Антона, Ромкиного друга и коллеги, и позвонила ему.

– Дуняша? – удивленно проговорил Антон. – Что-то случилось?

Дуня понимала, что звонит сотруднику уголовного розыска в рабочее время, и это означало, что разговаривать нужно коротко, быстро и только по делу.

– Не могу до Ромки дозвониться. С ним все в порядке?

– А... ты...

Паузы выдавали одновременно удивление и неуверенность Антона. Ну, понятно, он же в курсе, что Роман и Дуня давно расстались и не общаются.

– Так с ним все в порядке? – настойчиво повторила девушка. – Он здоров? Работает?

– Да все с ним нормально, – рассмеялся Антон с облегчением. – Спит он. Ночью прилетел из командировки, утром отчитался перед руководством и был отпущен на двое суток отсыпаться. Отгулы за длительную работу без выходных. Так что не беспокойся.

Дуня с облегчением перевела дыхание и почувствовала, что ноги у нее ослабели. Пришлось сесть прямо на мокрую скамейку. Куртка на ней не длинная, ткань джинсов сразу начала промокать, но Дуня не обращала на это никакого внимания. Ромка спит. Наверное, выключил звук или вообще оставил телефон где-нибудь в прихожей или на кухне. Интересно, он живет все в той же квартире, которую снимал? Или тоже вернулся к родителям? Или переехал в другое место? К другой женщине?

Ромка... Ромчик... Добрый и умный, сильный и честный... Отдыхай, мой хороший.

Она быстро набрала текст сообщения: «Прости меня, мне очень стыдно за то, что я сделала. Я скучаю по тебе. Если не хочешь – не отвечай. Мне очень важно было сказать тебе это». Перечитала несколько раз. Исправила две опечатки, заметив, что поставила точки вместо запятых. Перечитала еще раз.

И отправила.

* * *

В оговоренное время я снова сидел в баре отеля, поджидая ветерана МВД и полковника в отставке Бычкова. Пришел я чуть раньше, чтобы, сидя у большого прямоугольного окна, понаблюдать за улицей и за людьми: это всегда успокаивало меня и позволяло привести мысли в порядок. Образ жизни, который я веду с молодости, приучил меня не радоваться новым знакомствам и не искать их. Как правило, ничего хорошего я от людей не ждал, ни на какие позитивные эмоции не надеялся и относился к общению с теми, кто выходил за пределы моего ближнего круга, как к неприятной, но неизбежной необходимости. Уж не знаю, то ли в этом повинна моя чужаковатость, доставшаяся в наследство, то ли особенности моего здоровья, которые, впрочем, тоже в изрядной своей части обусловлены законами наследственности...

Мне не повезло. Мало того, что я получил тот ген, который несет ответственность за приступы мигрени, так еще и сами приступы протекали так тяжело, что я постоянно вспоминал свою прапрабабку Эмилию: если она страдала хотя бы даже в половину меньше, чем я, то можно простить ее увлечение опиатами. А уж если ее приступы были такими же, как мои... В рукописях Джонатана Уайли внешние проявления приступов мигрени у Эмилии описывались довольно подробно, и на бумаге выглядело это поистине устрашающе. Сначала у Эмилии начинались проблемы со зрением, потом она становилась какой-то растерянной, забывала слова и не могла вспомнить, как зовут горничную или как называется то горячее, что наливают в чашки и пьют. Быстро нарастала нестерпимая головная боль, любые запахи и звуки становились непереносимыми, возникала рвота, к рвоте присоединялся понос. Эмилия уходила в свою комнату и ложилась в постель. Появлялась она обычно на третий день, бледная, осунувшаяся, покачивающаяся от слабости и головокружения. Сама Эмилия говорила своему мужу, что в

эти периоды ей «невыносимо плохо и жить не хочется», но Джонатан мог лишь наблюдать картину извне, не понимая, что и как на самом деле чувствует его любимая супруга.

Зато я понимал очень хорошо. И прочувствовал всю прелесть тяжелой мигрени на собственной шкуре. Первый приступ случился, когда мне было 8 лет. Я был на детском празднике, откуда меня привезли домой с сильной головной болью. Рвота и понос заставили моих родителей подумать, что я банально отравился, а головную боль списали на интоксикацию. В следующий раз все повторилось через полгода, но и тогда ни моим родителям, ни мне самому не пришло в голову, что вся эта ерунда может превратиться в огромную проблему. Я учился в школе, и по мере усложнения предметов и заданий уроки требовали все большего умственного напряжения. Приступы сделались чаще, примерно каждые два-три месяца, и тут уж пришлось обратиться в клинику, где нам объяснили, что мы имеем дело, вероятнее всего, с мигренью. Но и утешили: как правило, с окончанием пубертатного периода, когда гормональный статус становится устойчивым, приступы делаются реже, протекают легче, а зачастую и вовсе прекращаются навсегда. Мы поверили и обрели надежду: всего несколько лет нужно потерпеть, зато потом этих мучений больше не будет. Ведь доктор сказал: как правило. То есть в среднем. То есть чаще всего.

И снова мне не повезло: я не вписался в правило. Годы шли, мне уже исполнилось 16, потом 17, 18, а приступы, настигавшие меня с регулярностью раз в четыре-пять недель, становились только тяжелее. Первым предвестником было посверкивание на периферии зрения, приступ развивался быстро, и до первого позыва к рвоте у меня было минут 20–30, за которые мне следовало убраться как можно дальше из публичного места, с глаз одноклассников или приятелей. Однажды случилось так, что вовремя скрыться мне не удалось: предвестник настиг меня в разгар вечеринки, во время танца с девчонкой, которая мне ужасно нравилась и которая уже дала мне понять, что в моей машине после вечеринки нам будет чем заняться. В глазах сверкало, я понимал, к чему дело идет, но уйти просто так, без всяких объяснений, не мог. Ни хозяин вечеринки, ни моя пассия меня не поняли бы и не простили. Я попытался проблеять хоть что-нибудь в собственное оправдание, но с ужасом понял, что несу какую-то ахинею и путаю слова... Удрать красиво мне не удалось, меня рвало прямо посреди комнаты, заполненной нарядно одетыми девочками и изрядно подвыпившими парнями. Не буду живописать всю картину насмешек и издевательств, которым я подвергся, пусть ваше воображение само дополнит недостающие детали. Могу только сказать, что главной темой сказанного были утверждения, что я обос...лся от страха перед первым сексом с девчонкой и что я слабак и меня рвет от одного бокала пива. Это было самое приличное из услышанного, все прочее оказалось намного хуже.

Я вырос таким же, как все. Среднестатистическим во всем, кроме мигрени. Это означало, что никаких выводов я в тот момент для себя не сделал, продолжая жить так же, как прежде, и полагая единственной своей заботой умение вовремя заметить ауру и спрятаться дома. Как и большинство тинейджеров, я стеснялся своей болезни и не хотел ее афишировать, поэтому наготове у меня всегда были приличествующие случаи отговорки, объясняющие внезапно возникшую необходимость уйти домой. Собственно, я и болезнью-то свою мигрень не считал: в перерывах между приступами я был абсолютно здоров, занимался спортом, хорошо учился, а врачи с самого начала объяснили нам, что мигрень не опасна для жизни, от нее не умирают. Должно было пройти еще немало времени, прежде чем в мою легкомысленную голову впервые закралось опасение, что приступ может настичь меня в самый неподходящий момент. Например, на вечеринке. Или когда я буду с девушкой. И не лучше ли заранее отказаться от участия в мероприятии и ничего не планировать?

Поразмыслив, я пришел к выводу, что на вечеринку или еще куда-то можно спокойно идти, если приступ был недавно. «Отмучился – и две недели гарантированно свободен», – сказал я себе. С девушками все оказалось сложнее, ведь невозможно учитывать мигрень, назначая

свидание... И отказаться от свидания так же невозможно, как заявить: «Конечно, ты мне очень нравишься, и я с удовольствием проведу с тобой время, только нужно недельку подождать, у меня скоро должен случиться приступ мигрени, я его переживу, а потом мы сможем встречаться беспрепятственно целых две недели, а то и две с половиной...» Ну можно ли представить подобное, когда тебе 17 лет?

Я сильно рисковал. Какое-то время судьба и болезнь берегли и щадили меня, и хотя интервалы между приступами перестали быть предсказуемыми, то увеличиваясь до двух-трех месяцев, то сокращаясь до недели и полностью лишая меня возможности планировать что бы то ни было, я ни разу не «попался» и не осрамился ни перед своей очередной дамой сердца, ни перед преподавателями колледжа, а затем и университета. Да и приступы стали сами по себе не такими мучительными и долгими с того момента, как я принялся интенсивно заниматься собственной личной жизнью. Все чаще обходилось без «позорных» явлений в виде рвоты и поноса, а головную боль, даже и очень сильную, я научился терпеть и скрывать, потихоньку принимая обезболивающие таблетки. Таблетки, правда, почти не помогали, ну если только совсем чуть-чуть. И еще я заметил, что приступы случались после каждого посещения кинотеатра: яркие краски, громкие звуки и большое скопление людей оказывались для меня провоцирующими факторами. Так что большой кинематограф пришлось для себя закрыть и довольствоваться подробными пересказами фильмов из уст тех, кто их посмотрел.

Одним словом, когда мне исполнилось 24 года и я, недавний выпускник университета, нашел после долгих поисков свою первую работу – перевод с французского таможенной декларации на декорации и оборудование, которые вез через океан приглашенный на гастроли по США парижский театр, я несколько расслабился и начал подумывать о серьезных отношениях с перспективой создания семьи. Надо сказать, родители мои устремления поддерживали лишь частично. Намерение жениться их вполне устраивало, хотя они и полагали, что мне об этом думать еще рановато. Намерение же посвятить всю жизнь работе с иностранными языками им не нравилось: семья наша была более чем состоятельной, и отец полагал, что я непременно войду в его бизнес, а изучение языков – это так, баловство, которое, конечно же, окажется весьма полезным при переговорах с иностранными партнерами. Я хитрил и выкручивался, уверяя отца, что он сам еще достаточно молод и будет прекрасно руководить своим бизнесом как минимум лет пятнадцать-двадцать, а то и дольше, я же за это время поднаторею в языках, в деловой лексике и переписке и потихоньку освою основы экономики, а когда придет время – займу его кресло. На самом деле я не испытывал ни малейшего интереса к «делу» и не чувствовал у себя никаких способностей к занятию бизнесом, более того, был уверен, что под моим руководством все развалится в мгновение ока, бизнес отца, принятый им от деда, прогорит, и я стану банкротом. Я пытался переключить внимание родителей на мою младшую сестренку и вселить в них надежду на то, что уж она-то наверняка выйдет замуж за парня с крепкой деловой хваткой, которому можно будет со спокойной душой передать дело...

Всё случилось неожиданно. Пожар в кинотеатре во время премьеры нового фильма, на которую собралась вся городская элита, унес жизни 38 человек, среди которых оказались и мои родители, и сестра. Меня по понятным причинам с ними не было, я оставался дома.

Спустя год мы закончили решать все юридические вопросы. Из наследника хорошо поставленного бизнеса я превратился в вольного переводчика с весьма солидным банковским счетом. Шок от одновременной потери близких был настолько сильным, что я не сразу сообразил: приступы мигрени снова стали тяжелыми, даже более тяжелыми, чем прежде. На душе было так темно, что на физические страдания я в тот период внимания не обратил. Опомнился только спустя какое-то время, когда собрался сделать предложение прелестной молодой женщине, с которой встречался уже несколько месяцев. В течение этих месяцев мигрень отчего-то не настигла меня ни разу, я был влюблен, окрылен и совсем забыл об опасности. Предложение-то я сделал, и оно было принято с благосклонной и ласковой улыбкой. Мы решили устро-

ить вечеринку и объявить о помолвке. Избранница моя жила с очень строгими родителями, посему наша близость хоть и имела место, но была лишь эпизодической и весьма краткой и неполной: секс в машине казался ей грязным и унижительным, а оставаться на ночь у меня дома она почитала неприличным. Родители ее смягчились, узнав, что готовится помолвка, и разрешили любимой единственной дочери провести в моем (и нашем будущем) доме два дня: нужно было позаботиться об угощении для компании человек на тридцать, да и дом с лужайкой хотелось украсить и принарядить. Так и получилось, что первая полноценная наша ночь должна была состояться накануне торжественного мероприятия, такого важного для любой девушки из традиционной американской семьи.

Должна была.

Но не состоялась. Вернее, она началась, как положено, но, когда наступил ответственный момент, я уловил предательское сверкание сначала слева, потом справа. Поле зрения сузилось, перед глазами замелькало нечто похожее на серую тряпку. «Ничего, – малодушно утешал я себя, – может быть, все обойдется только головной болью, и мне удастся ее скрыть и не опозориться перед невестой».

Надеялся я напрасно. Все обернулось просто ужасно и закончилось скандалом. Мало того, что я не смог выполнить супружеский, вернее, в данном случае – жениховский долг, мало того, что я вынужден был оставить свою невесту одну в спальне и провести остаток ночи в бывшей комнате сестры, мало того, что я, скрывая мучительную боль и слабость, попытался с утра выйти и помочь на кухне, но через минуту, оглушенный видом и запахами продуктов, помчался в туалет и после этого снова закрылся в комнате с задернутыми шторами и затворенными ставнями... Мало всего этого. Самое страшное в данной ситуации оказалось в том, что я не смог принять участия в вечеринке. Не вышел к гостям. Не улыбался, обнимая свою суженую за талию и принимая поздравления, не пил шампанское, не надевал на девичий палец кольцо и никак и ничем не подтвердил своего наличия в жизни вообще и в жизни девушки в частности. А ведь это был ее праздник! Потому что почти все, за небольшими исключениями, приглашенные были ее друзьями, а не моими. Моих друзей было только двое, и оба знали и об особенностях моей мигрени, и о моем категорическом нежелании ее афишировать. Но я не смог выйти к гостям: даже доносившихся с первого этажа и с лужайки приглушенных звуков музыки и голосов было достаточно, чтобы наряду с пульсирующей болью, наполнившей половину черепа раскаленным чугуном, в висках ломило и стучало так, словно мозг сверлили дрелью. Я лежал, накрыв голову подушкой, и тихо стонал, пытаюсь справиться с тошнотой.

Праздник был испорчен, помолвка не состоялась, гости в недоумении разошлись, приняв довольно вялую попытку сделать вид, что ничего особенного не произошло, и поселиться. Резкий неприятный (впрочем, в подобные моменты никакие звуки не казались мне приятными) женский голос визгливо хохотал на крыльце, и я улавливал отдельные фразы, дескать, даже смешно обсуждать... какая уж такая головная боль может помешать помолвке... у всех людей голова болит, но никто не заморачивается... наверняка жених в последний момент испугался и решил таким вот примитивным способом увильнуть от выполнения обещания... а может быть, и жениха-то никакого не было вовсе...

Проводив последнего гостя, моя невеста поднялась ко мне в комнату, зажгла свет, вырвала из моих рук подушку и, сверкая глазами, высказала все, что думала. О том, что я ее опозорил и выставил на посмешище. О том, какой я негодяй. О том, что ни видеть меня, ни слышать она более не желает. Коробочка с кольцом, которое я, по первоначальному замыслу, должен был надеть ей на палец у всех на глазах, была в ярости брошена на пол. Хлопнула дверь. Послышался звук двигателя: подъехало такси. Уехало.

Таким образом, моя первая попытка завести семью бесславно провалилась.

Следующий этап своей личной жизни я начал уже более осознанно, встретив умную серьезную девушку, скрипачку из симфонического оркестра. Первого свидания, во время кото-

рого мы ходили в театр, потом ужинали в ресторане, оказалось для меня достаточно, чтобы понять, что мне будет с ней хорошо. Времена были уже далеко не пуританскими, и девушка явно готова была в тот же вечер принять приглашение на чашку кофе у меня дома, но я решил сперва поговорить. Стараясь быть максимально честным и объективным, я поведал ей о своей мигрени и предупредил о возможных неприятных моментах, связанных с отменой назначенных встреч и невыполненными обещаниями.

– Давай попробуем, – предложила она. – Ты славный, и ты мне нравишься. Не могу пока представить, как буду реагировать, если случится то, о чем ты предупреждаешь, но уверена, что мы справимся.

Эти слова меня воодушевили. И как оказалось – напрасно. К отмененным свиданиям моя музыкальная девушка относилась без раздражения: у нее была масса увлечений и много друзей, и невозможность провести время в моем обществе отнюдь не делала ее жизнь неполноценной. В такой благодати прошло года полтора, и я уже совсем было решил, что пришла пора делать предложение...

Оркестр возвращался из гастрольного турне, моя скрипачка позвонила из Филадельфии, сказала, что заболела, у нее высокая температура и ей очень плохо, и попросила непременно встретить ее в аэропорту, чтобы отвезти домой, потом купить все лекарства и побыть с ней несколько дней, пока она придет в себя. Разумеется, я пообещал. И – как назло...

Нет, на этот раз никакого скандала не было. Когда я приехал к девушке через три дня, бледный и осунувшийся, на дрожащих от слабости ногах, она, тоже слабая и тоже бледная и осунувшаяся, попросила подругу, ухаживавшую за ней, сделать нам чай. Деликатная подруга минут через десять ретировалась, якобы за покупками.

– Нам было хорошо вместе, – сказала скрипачка грустно. – Но ты должен учитывать одно обстоятельство.

– Какое? – обреченно спросил я, не упустив прозвучавшего в ее словах прошедшего времени. «Было хорошо». Значит, больше не будет.

Так и оказалось.

– Все девушки хотят выйти замуж.

– Я в курсе. И я готов... – начал было я, но она меня перебила:

– Ты-то готов, но они не готовы. Они.

Я растерялся. Я ничего не понимал.

– Но ты же сама сказала, что все девушки хотят замуж.

– Не за первого встречного. Нормальная девушка хочет выйти за надежного человека. За человека, который не подведет. На которого можно положиться. Который пообещает и сделает.

– Но я же...

– Знаю, – мягко сказала она. – Ты не виноват. Это болезнь. Ты честный и ответственный. Но в семейной жизни этого недостаточно. Семья состоит не из одного тебя. И те, кто входит в твою семью, хотят строить планы и хотят, чтобы эти планы выполнялись. Планы могут быть большими, например, карьерными или касающимися развития бизнеса, а могут быть маленькими: как провести выходные, куда поехать в отпуск, кто будет покупать для бабушки подарок ко дню рождения, кто сегодня заберет ребенка из школы. И если невозможно построить даже самый маленький план и быть уверенным, что сможешь его выполнить, совместная жизнь становится невыносимой. Начинаются взаимные упреки, растет взаимное недовольство, брак дает трещину. Ничем хорошим это не заканчивается, поверь мне. У меня перед глазами пример моих родителей.

– Тоже мигрень? – удивился я.

Мы много рассказывали друг другу о своих семьях, но она ни разу не упоминала о том, что кто-то из ее родителей был болен.

– Пьянство, – коротко ответила она. – Я тебе рассказывала о своей матери.

– Ну да, – кивнул я. – Я помню. Но разве можно сравнивать мигрень и алкоголизм? Это абсурд!

– С точки зрения медицины – да, согласна, – слабо улыбнулась моя скрипачка. – А с точки зрения семейной жизни разницы никакой нет. Человек ненадежен. На него нельзя положиться, на него нельзя рассчитывать. Он может в любой момент подвести. Вот и все.

Я помолчал, обдумывая то, что она сказала. Это был отказ? Предупреждение? Или что?

– Значит, ты не выйдешь за меня, если я попрошу твоей руки?

– Нет, – сказала она твердо и снова улыбнулась. – Но за намерение спасибо, мне приятно.

Я все понял. Еще примерно полчаса мы пили чай и болтали о пустяках, потом вернулась с покупками подруга, и я распрощался. Навсегда.

* * *

Полвека прошло, скрипачки моей уже нет в живых, а я до сих пор с нежностью и теплотой вспоминаю и наш последний разговор, и ее улыбку на исхудавшем лице, и тонкую кисть руки с сильными длинными пальцами. Ни одну женщину в своей долгой жизни я не любил так, как ее. Наш разрыв не оставил во мне обиды: я понимал, что она права. Любой человек имеет право хотеть, чтобы рядом с ним был тот, кого можно считать надежным. Я надежным считаться никак не мог...

За этими воспоминаниями я и коротал время, сидя в мягком удобном кресле, попивая кофе и поглядывая в окно в ожидании ветерана МВД Назара Захаровича Бычкова. Бар находился в той же части здания, что и главный вход в отель, и мне отлично видны были подъезжавшие автомобили. Почему-то я пребывал в уверенности, что полковник в отставке приедет либо на такси, либо на недорогом стареньком, но очень ухоженном корейском автомобильчике. Однако я ошибся: сухощавый мужчина с очень морщинистым лицом вышел из массивного черного джипа и стремительно зашагал в сторону входа, а через несколько секунд уже двигался в направлении моего столика. Ладонь его была жесткой и сильной, а взгляд – цепким, спокойным и уверенным. Почему-то мне сразу стало неуютно, и я начал жалеть о том, что позволил юристу Сорокопьяту организовать эту встречу. Совершенно неожиданно для самого себя я растерялся и сделал знак бармену, чтобы хоть чем-то заполнить возникшую неловкую паузу. Тут же подбежала официантка.

Я попросил еще чашку эспresso, официантка кивнула и перевела вопросительный взгляд на моего гостя.

– А мне, дочка, – зажурчал мягкий говорок, – сделай, будь так ласкова, чайку какого-нибудь безопасного, как для больного старика. Сможешь?

Что такое «безопасный чай для больного старика», я не понял, выражения такого никогда прежде не слышал, но официантка, видимо, знала это очень хорошо, потому что улыбнулась и тут же принялась уточнять:

– Ромашка? Лесные ягоды? Боярышник? Мята с лаймом?

– Вот давай-ка мяту с лаймом.

– Чайничек маленький принести или большой?

Бычков взглянул на меня, и в глазах его мне почудилась насмешка, отчего неприязнь к новому знакомому сделалась еще сильнее. Но смысл этого взгляда я, разумеется, уловил: долгим ли предполагается разговор? Эх, ну зачем я согласился? Нужно было поручить юристу встретиться с этим полковником, пусть бы задал ему вопросы и все выяснил, избавив меня от необходимости снова все объяснять, да еще человеку, который отчего-то вызывает у меня не самые положительные эмоции.

– Большой, – обреченно произнес я.

Едва официантка отошла, Бычков заговорил:

– Мне сказали, что вас интересуют Лагутины. Это верно?

– Верно.

Он немного помолчал, задумчиво глядя в окно.

– Видите ли, господин Уайли, моя профессиональная жизнь почти целиком состояла в том, что я задавал вопросы. И если вместо ответа мне говорили: «А что?» или «А почему вы спрашиваете?», у меня складывалось твердое убеждение, что человек сначала хочет узнать, в чем моя цель, а потом подстроить под эту цель свой ответ. Солгать, что-то скрыть, что-то переиначить. А спрашивали подобным образом всегда. Не припомню случая, чтобы на вопрос сразу начинали отвечать по делу. Поэтому у меня стойкое недоверие к тем, кто не отвечает, а задает встречные вопросы. Давайте я вам сразу расскажу о Лагутиных, что помню, но вы дадите мне слово, что после этого сами объясните причину своего интереса.

Неприязнь мою как рукой сняло.

– Договорились, – улыбнулся я. – Если можно, начните с момента вашего знакомства. Я читал интервью, где вы об этом рассказываете, но мне хорошо известно, как часто итоговый письменный текст отличается от сказанного.

– А сказанное – от реальности, – ответно усмехнулся Бычков.

Я опешил. Выходит, то, что он рассказал журналисту, не было правдой? Может, он и Лагутиных не знал совсем, и я напрасно возлагал надежды на его информацию...

– Что вы имеете в виду? Что не были знакомы с семьей Лагутиных?

– Был, а как же, был знаком, и неплохо. Только не так все было пушисто, как в интервью написано. Мадам Лагутина... это я так ее про себя называл – мадам, а мужа ее – хозяин. Так вот, мадам Лагутина была человеком крайне неприятным. Всем улыбалась, со всеми была приветливой, но чуял я в этой ее любезности что-то гаденькое, нарочитое. Сперва не понимал, в чем дело, думал, что просто ошибаюсь, плохо думая о хорошем человеке.

Если бы упавший с души камень не был фигурой речи, в полу, наверное, образовалась бы огромная дыра. Я испытал непередаваемое облегчение, ведь сидящий напротив меня человек с морщинистым лицом и ясными спокойными глазами сказал вслух именно то, что думал и я сам.

– Почему же вы сказали журналисту...

– А из старческой вредности, – Бычков лукаво подмигнул. – Или из озорства, если вам так понятнее. Журналист молодой, неопытный, явно получил заказ сделать материал о том, как раньше было плохо и как сейчас стало хорошо. Вот я и старался всячески ему помешать. Терпеть не могу заказов на подачу информации, меня от этого прямо корежит всего. Конечно, я понимал, что он все равно напишет так, как ему надо или его главному редактору, но облегчать задачу этим прихвостням не собирался. Поэтому всюду, где только можно, проводил параллели, мол, тогда было плохо, но и сейчас с этим не лучше, а если сейчас хорошо, то и раньше с этим было не хуже. Лично я к советским и партийным органам отношусь очень критически, но считаю, что ругать их имеет право только тот, кто видел ситуацию своими глазами, жил в ней, а не сопливый мальчишка, родившийся после перестройки и никогда не слышавший слова «партсобрание».

Бычков отпивал маленькими глоточками горячий чай и рассказывал о семье Лагутиных. О самом старшем члене этой семьи, Ульяне Макаровне Кречетовой, полковник знал, как выяснилось, немного: дочь рабочего-сталелитейщика, она всю жизнь посвятила комсомольской и партийной работе, искренне верила в идеалы коммунизма и отдала все силы борьбе за эти идеалы. Жесткая, негибкая, упрямая. На доброе слово скупа, на брань и критику щедра. Муж ее, отец Зинаиды, был, как сказали Бычкову, комсомольцем и умер через несколько месяцев после рождения дочери. В общем-то это было правдой, так что Бычкова не обманули. Только это была не вся правда. Никто в те годы не упоминал о том, что муж Ульяны, Майкл Линтон, был американцем, членом Молодежной коммунистической Лиги, приехавшим в 1922

году в Россию в числе нескольких десятков таких же «комсомольцев»-энтузиастов помогать поднимать из руин молодую советскую республику и строить светлое будущее. Правительство Страны Советов разрешило молодым американцам въезд и создание сельскохозяйственных коммун в некоторых регионах Северного Кавказа, но с условием, что те привезут с собой передовую технику. Разумеется, в коммуну тут же стали регулярно наведываться агитаторы и пропагандисты – советские комсомольцы, то есть настоящие борцы. Одним из таких агитаторов и оказалась Ульяна Кречетова, поразившая Майкла Линтона в самое сердце. Комсомольскую свадьбу справили, пели революционные песни и говорили речи о том, что дети Ульяны и Майкла станут истинными интернационалистами и непременно внесут огромный вклад в разжигание пожара мировой революции. Обо всем этом я прочитал в дневниках Ульяны.

Умер Майкл и в самом деле вскоре после рождения дочери Зины. С медицинской помощью в той местности, где существовала коммуна, было плохо, и, судя по описанным Ульяной симптомам, скончался ее молодой муж от разлитого перитонита. Молодая женщина вырастила дочь одна и больше замуж не выходила. Фамилию Зиночке записала свою – Кречетова, а отчество – Михайловна. Зинаида Майкловна Линтон – уж больно чудно звучит, не по-советски. Но эти подробности остались для Бычкова тогда неведомы.

На момент знакомства молодого капитана милиции с семейством Лагутиных Зинаида Михайловна руководила в аппарате Мосгорисполкома отделом развития пищевой промышленности, торговли и общественного питания города, имела в подчинении более 20 человек, была на хорошем счету у руководства и мечтала о назначении на должность руководителя управления делами: отдел огромный, почти 140 человек по штатному расписанию, большая власть, неисчерпаемые возможности. Разумеется, о «возможностях» моя родственница не распространялась ни при Бычкове, ни в своих записях, но для меня, довольно много знающего о жизни в Советском Союзе, это было очевидным, а уж для полковника – тем более.

Я человек довольно циничный, поэтому не удивился тому, что молодой Бычков старался поддержать неожиданное и такое полезное знакомство, но совершенно не понимал, почему Зинаида пошла ему навстречу. Зачем ей, руководителю такого уровня, обыкновенный капитан милиции?

– Да я и сам сперва не мог понять, – признался Назар Захарович. – Сначала суть-то не разглядел, думал: просто милые приветливые люди. Потом, когда гадливость начал ощущать, спросил себя: а на кой ляд ты, Назарушка, им сдался? С чего это Зинаида Михайловна так тебя привечает? Одно дело, если бы я, допустим, только по праздникам заходил с поздравлениями и цветами, а она б меня из вежливости чай пить приглашала. И совсем ведь другая картина, когда мадам сама тебе звонит, в гости зовет, мол, пироги у них сегодня, или шарлотка, или сам хозяин с охоты кабанятину привез и котлеты получились просто необыкновенные. Ну, начал я прислушиваться, присматриваться и очень быстро заметил, что все ее светские беседы со мной – это выпрашивание, вынюхиванье, одним словом, сбор информации. Ей нужно было знать всё и обо всех, начиная от сведений о том, в какую квартиру в их доме и по какому поводу на днях приходил участковый, и заканчивая тем, что говорил начальник на партсобрании нашего райотдела, какие установки партии и правительства озвучивал, как формулировал цели и задачи, на кого какие взыскания наложили по партийной линии. Как только я это все понял, мне так противно стало! И не в том дело, что я какие-то секреты разглашал, нет, я лишнего слова Зинаиде не сказал, а в том, что меня пытались использовать.

– И что вы сделали, когда поняли это? – поинтересовался я.

– Перестал к ним заходить. И приглашения принимать перестал.

– Что, вот так сразу и перестали? Прервали отношения в один миг?

– Ну, зачем же сразу-то? Я аккуратненько, постепенно, чтобы не обидеть. Приглашения сначала принимал через раз, потом через два на третий, ссылаясь на загруженность по службе.

И с поздравлениями так же поступил: два праздника или дня рождения пропущу, потом зайду, цветы вручу и поздравлю со всеми прошедшими. Так и сошло на нет постепенно.

– Как долго вы общались с Лагутиными, пока не поняли, что к чему?

– Года два примерно. И еще годик или чуть больше после этого.

Принесенного официанткой «большого» чайника хватило как раз на воспоминания Назара Захаровича о муже Зинаиды, Николае Васильевиче Лагутине, и об их детях – сыне Владимире и дочери Ульяне. Ульяна, по словам Бычкова, была девочкой любознательной, чтобы не сказать – любопытной, и если во время визитов оперативника оказывалась дома, то старалась сидеть за столом вместе со взрослыми, внимательно вслушиваясь в их разговоры, хотя Зинаида ее присутствие не очень-то поощряла. Николай Васильевич в этих посиделках никогда не участвовал, да его и дома-то, как правило, не бывало, когда приходил Бычков. Если же хозяин был дома, то выходил, коротко здоровался, пожимал руку и тут же скрывался в кабинете.

– Суровый мужик, вечно хмурый, озабоченный, никогда, в отличие от жены, не улыбался. По-моему, его все в семье боялись, – вывел заключение Назар Захарович.

– А сын? Что о нем помните?

– Да почти ничего. Видел его буквально пару раз всего. Симпатичный паренек, на отца похож, такой же неразговорчивый и хмурый. Он-то в свои студенческие годы дома особо не сидел.

– Зинаида о нем что-нибудь рассказывала?

– Говорила, что учится в МГИМО, хочет заниматься дипломатической работой, старается, овладевает знаниями, из библиотек не вылезает.

– А про его личную жизнь говорила? Может быть, он жениться собирался? Или девушка была?

– Не припомню, – покачал головой Бычков. – Вот что хорошо помню – так это постоянные сетования Зинаиды на то, что в институте никак не найдется подходящая девочка для Володи, а когда же еще студенту жениться? Только в институте, потом уж поздно будет, холостого специалиста на работу за границей не пошлют, так и будет в МИДе бумажки перебирать до самой старости.

– Почему же невесту нужно было искать непременно в своем институте? – удивился я. – А в других местах разве нельзя познакомиться с девушкой?

Бычков разразился дробным журчащим смехом.

– Можно, конечно. Всем можно, а будущим работникам дипломатического фронта – нельзя! Если, конечно, они хотят получить назначение на должность в каком-нибудь посольстве или представительстве за границей. В том институте учились только проверенные детки проверенных родителей, поэтому с любой сокурсницей можно было заводить отношения, так сказать, с гарантией.

Я кивнул. Ну конечно, вездесущее КГБ... Работа за границей. Все должно быть под контролем государства. Анкету каждого абитуриента проверяли вдоль и поперек, и при малейших сомнениях даже до вступительных экзаменов не допускали, так что брак со студентом своего института избавлял от множества проблем, в том числе и от перспектив «невыезда».

Пришла моя очередь объяснять Бычкову причины интереса к семье Лагутиных.

– Рассказ будет долгим, – предупредил я. – Вы временем располагаете?

Он усмехнулся:

– Нам, старикам, спешить некуда. Но если разговор наш предполагается не коротким, то я предложил бы вам сменить место. Стыдно признаться, но от вредной привычки курить я не избавился. Да и не пытался, если честно. Теперь за приятной неспешной беседой таким, как я, и посидеть-то негде. Я бы пригласил вас прогуляться, посидеть в парке или хоть на бульваре, но не сезон, погода не располагает.

Я рассмеялся. Снег с дождем и ветром – и в самом деле не лучшая погода для беседы на открытом воздухе.

– Да уж!

– Поэтому я осмелюсь пригласить вас к себе домой. Заодно и поужинаем. Моя жена будет рада, а уж готовит она просто превосходно.

Заметив на моем лице замешательство, которое я не успел скрыть, Бычков добавил:

– Потом я привезу вас назад, сюда или куда скажете. Да это и не так уж далеко по московским меркам, минут за двадцать доедем.

Подписав принесенный официанткой счет, я поднялся к себе в номер за курткой. Бычков ждал меня на крыльце у входа, под навесом, в пальцах одной руки зажата дымящаяся сигарета, в другой руке прижатый к уху телефон.

– Сколько баллов? – услышал я его мягкий говорок. – Шесть? Нормально, быстро доедем... Минут двадцать...

Он заметил меня и слегка кивнул.

– Сейчас спрошу.

Бычков опустил руку с телефоном, сделал глубокую резкую затяжку и обратился ко мне:

– У вас есть какие-нибудь ограничения по продуктам? Что-то такое, чего вам нельзя или вы просто не любите и не едите?

Вопрос меня приятно удивил: мне казалось, что в России едят то, что нравится, не придавая ни малейшего значения понятию «нельзя». А уж сколько раз, принимая приглашения на обеды и ужины в домах своих коллег-переводчиков, я сталкивался с тем, что хозяйки настойчиво подкладывают в тарелки гостям разнообразное угощение со словами: «Вы должны это попробовать! Ну попробуйте!», нимало не заботясь о том, что гость, возможно, это не любит или ему этот продукт запрещен медиками. Почему-то я был уверен, что в России больше, чем в любой другой стране, укоренен принцип: если нравится лично мне, то это обязательно должно нравиться всем, а если кому-то не нравится, то он не нашего круга, он ничего не понимает, и вообще он идиот и должен быть подвергнут остракизму. Выходит, я ошибался. Но, возможно, семья ветерана МВД Бычкова – просто приятное исключение.

– Я всеяден, – с улыбкой ответил я. – Мне все можно. Другое дело, что в моем возрасте уже не все нужно.

– Понял.

Он снова поднес телефон к уху.

– Можно все, но без фанатизма, – проговорил Назар Захарович в трубку. – Скромно, по-стариковски.

Он затушил сигарету, бросил окурочек в урну, и мы сели в черный джип.

* * *

Жена Назара Захаровича оказалась женщиной изящной и элегантной, и даже в свои далеко не молодые годы сохранившей прежнюю изумительную красоту. В первый момент я напрягся, испугавшись, что Элла (так ее звали) будет на правах хозяйки сидеть с нами за столом и слушать мои рассказы, чего мне совсем не хотелось. Я даже не мог отчетливо сформулировать природу и суть собственного нежелания распространяться о своей истории, ведь я изначально, задумывая свой экспериментальный проект, закладывался на то, что придется многократно излагать одно и то же огромному числу все новых и новых людей. Но эта готовность была рассчитана на тех, кого необходимо проинформировать в интересах дела, а вот сама мысль о том, что меня будет слушать человек, к делу отношения не имеющий, почему-то вызвала дикое раздражение.

Однако нервничал я напрасно.

– Давайте, мальчики, быстро ужинайте, без разговоров, – произнесла Элла, – все уже готово. Потом я пойду поработаю, а вы поговорите.

Это непринужденное «мальчики», адресованное двум солидным джентльменам за семьдесят, моментально растопило лед в моем сердце. Все-таки я профессиональный переводчик, и слова имеют для меня огромное значение: я умею не только слышать их, но и понимать стоящее за ними чувство.

Обводя глазами комнату, в которой был накрыт стол, я сделал первоначальный вывод: много книг и мало фотографий. Вернее, книг очень много, а вот фотографий не было совсем. Ни одной. Любопытно. Получается, в этом доме у знания приоритет перед традиционными семейными ценностями?

Мясо с зеленым салатом оказалось превосходным, с едой мы покончили минут за десять, после чего красавица Элла убрала со стола грязную посуду, принесла кофе для меня и чай для мужа и, мило улыбнувшись, скрылась в другой комнате.

– Кем работает ваша жена? – поинтересовался я.

– Элка? Никем. Она работает моей женой. С моим характером это, знаете ли, труд немалый, спасибо хоть зарплату с меня не требует, – с легким смешком отвечивал Бычков.

– Мне показалось, она сказала, что пойдет поработать...

– Ах, это! – Он широко улыбнулся. – Она рисует. Акриловыми красками. У нее отлично получается, Элка всем знакомым свои картины дарит.

– Сколько лет вы женаты? – не удержался я от вопроса.

– Немного. Чуть больше десяти лет.

Ну вот, хоть какое-то объяснение нашлось тому странному факту, что столь красивая и наверняка умная женщина остановила свой выбор на таком невзрачном мужчине. Десять лет назад ей было около шестидесяти, и в этом возрасте спутника жизни выбирают уже не по внешности. Со свойственным мне цинизмом я подумал, что в шестьдесят лет женщины вообще уже не выбирают, с кем им быть, и радуются любому предложению. Но почему Назар женился на ней? Мужчины в возрасте за шестьдесят, как правило, женятся на молодых дамах, с которыми могут почувствовать себя самцами-производителями.

– Это ведь не первый ваш брак? Или первый?

– Второй, – коротко ответил Назар Захарович. – А у Эллы третий. Я вдовец, она – в разводе. Мы с ней полвека знакомы... Познакомились как раз незадолго до моей свадьбы. Так что там с Лагутиными-то? Я ведь жду, когда вы расскажете.

Надо же: полвека знакомы... Что-то эти полвека меня сегодня буквально преследуют, я ведь тоже думал о пятидесяти годах, прошедших после расставания с девушкой-скрипачкой. Мне было любопытно, что за история произошла пять десятков лет назад между Назаром и Эллой, но судя по тому, как круто полковник сменил тему разговора, распространяться об этом у него намерения не было. Что ж, можно понять: кто я ему? Совершенно незнакомый человек, о существовании которого он еще сегодня утром и не подозревал.

Я старался рассказывать как можно короче, потому что заметно устал. С утра – круглый стол в рамках конференции, потом встреча с юристом Сорокопятом, теперь вот с Бычковым. Интенсивное общение с людьми меня сильно утомляло, я давно стал затворником и привык к одиночеству. Наконец я добрался до конца истории.

– Да-а, – задумчиво протянул Назар Захарович, когда я закончил, – ваш род оказался щедрым на эксцентричных потомков. И мигрень ваша меня, надо признаться, удивила. Я ведь всегда думал, что мигрень – это как у Понтия Пилата в булгаковском романе. Ну, сильно голова болит, пусть даже очень сильно, но жить и работать не мешает. Пилат с такой болью даже ухитрился принять судьбоносное для мировой истории решение. Вы читали «Мастера и Маргариту»?

– Не только читал, я этот роман и переводил. Поверьте мне, господин Бычков, та форма гемикрании, которой страдал Пилат, это просто детский лепет по сравнению с тем, что приходится переносить мне. Вернее, приходилось раньше, в молодости. Сейчас-то все уже не так ужасно, но тоже достаточно тягостно.

Он сочувственно посмотрел на меня.

– Понимаю. Что касается вашего дела, то я не удивлен: Зинаида Михайловна была дамой лживой и лицемерной. В общем-то ее можно даже назвать гением адаптации, она прекрасно приспособилась к режиму и играла по его правилам. Советские чекисты никогда не позволили бы ей отсылать свои записки за границу, если бы не подвергали их тщательной цензуре. Поэтому совершенно понятно, что правды в этих записках было совсем немного. Жаль, что вы не удосужились поговорить с ней, когда Лагутины эмигрировали. Бояться ей было больше нечего, и вполне вероятно, она рассказала бы намного больше.

– Мне в тот момент это всё было не интересно, у меня было много работы, я привык к своему образу жизни, который выстроил так, как мне нравится и как мне удобно. А Лагутины мне не понравились, и общаться с ними не возникало ни малейшего желания.

– Но вы же в то время знали об условии Уайли – Купера?

– Конечно. Знал с самого детства. Но интереса у меня это не вызвало, как не вызывало и у моих родителей. Наша ветвь давным-давно утратила право вести записи, жизнь очень изменилась, потомки Джонатана Уайли родственные отношения почти не поддерживали. А деньги, о которых идет речь... Да, они весьма существенны, но не для меня. После гибели родителей и продажи бизнеса отца у меня осталась такая сумма, которой при моем более чем скромном образе жизни хватило бы еще лет на сто, даже если бы я не зарабатывал переводами. А переводы приносят мне весьма неплохой доход. В общем, вся эта волынка с завещанием Уайли – Купера как-то прошла мимо моего сознания. Мне это было просто не нужно, я считал это блажью чудаковатого старика.

– Ну да, ну да, понимаю, – задумчиво покивал полковник. – Мадам давно умерла, а Ульяна... Может быть, она могла бы рассказать? Или вы с ней в контрах?

– Она не расскажет. Для нее это вопрос денег, и отдавать их она не намерена.

– Неужели вы думаете, что она возьмется выполнить такую работу? Хотя... Почему бы и нет? – ответил он сам себе. – Она толковая, всегда работала, вот вы говорите, что она и в Штатах быстро нашла для себя дело и не бедствовала. Она бы справилась, я так думаю. Значит, вы считаете, что она хочет получить деньги Уайли – Купера?

– Я в этом уверен.

– А вам эти деньги для чего? Вы же только что мне заявили, что у вас средств более чем достаточно. Зачем вам ввязываться в эту канитель? Да еще таким сложным манером. Ульяна-то, поди, и без того располагает всеми нужными сведениями, сядет да и напишет. У нее перед вами огромное преимущество, вы за ней все равно не угонитесь. Если она чего-то по малости лет не знала или не понимала, так Зинаида после отъезда из России уже сто раз ей все рассказывала и разобъяснила.

Бог мой, как же я устал! У меня просто нет сил рассказывать еще и об этом! Юрист тоже никак не мог взять в толк, для чего я все это затеял. И я решил ответить так же, как ответил Андрею Сорокопята:

– Это личное.

Заметив, как похолодели ясные внимательные глаза Быčkova, я добавил:

– Если вам интересно, я обязательно расскажу почему. Но не сегодня, хорошо? И потом, вы же сами заметили, что в нашем роду регулярно появляются эксцентричные особы. Считайте, что я просто чудак. Сумасшедший миллионер.

Взгляд Быčkova немного смягчился.

– А вы действительно миллионер? В прямом смысле, не в переносном?

– Действительно. Что, верится с трудом?

– Честно говоря – да. Вот вы живете в дорогом отеле, но не в самом дорогом. И лимузина с водителем у вас нет, иначе вы не поехали бы со мной в моем джипе. Живете затворником, зарабатываете переводами... Как-то не вяжется одно с другим. Конечно, про мигрень вы мне объяснили, и одинокий образ жизни я понять могу, но все остальное... Нет, не укладывается у меня в голове.

Он мне не поверил. Жаль. Впервые за все мои приезды в Россию я встретил человека, с которым мне хотелось бы продолжать общение. Болезнь и особенности характера сделали меня капризным и привередливым, я с трудом выстраивал отношения с теми немногими людьми, которые не вызывали у меня отторжения или раздражения, а такие люди попадались на моем жизненном пути с каждым годом все реже и реже. Назар Захарович мне понравился, его ум был достаточно острым, чтобы улавливать нюансы, скрытые за словами, и не требовать подробностей, не имеющих решающего значения для понимания смысла. Этот человек не был излишне любопытен и навязчиво многословен. Одним словом, он мне полностью подходил.

А я ему, судя по всему, – не очень. Или даже – совсем нет.

– Пожалуй, мне пора, – сказал я, взглянув на часы. – Не хотелось бы утруждать вас. Может быть, лучше вызвать такси?

Брови Бычкова взлетели вверх, собрав гармошкой глубокие морщины на лбу.

– Такси? Да бог с вами! Разве вас можно отпускать на такси одного, да еще в такое позднее время? Уже половина двенадцатого. Вы, конечно, говорите по-русски безупречно, но акцент все равно есть, и заметный, а немолодой иностранец ночью – самая лакомая добыча. Глазом моргнуть не успеете, как останетесь без штанов. Вас таким маршрутом повезут, что потом никаких денег не хватит расплатиться.

Он решительно встал и громко произнес:

– Элка! Мы уходим!

* * *

Ехали молча. Каждым миллиметром кожи я ощущал стену недоверия, вставшую между мной и Назаром Захаровичем. Настроение испортилось, побаливала голова. Мне было жаль, что я сам, своими руками, уничтожил то тепло взаимопонимания, которое только-только начало зарождаться.

– Меня не назовешь приятным собеседником, верно? – спросил я. – Особенно к концу дня. Не хочу, чтобы вы подумали, будто я пытаюсь что-то скрыть или обмануть вас.

– У вас есть хороший выход, – суховато ответил он.

– Какой?

– Не скрывать и не обманывать.

– Не делаю ни того, ни другого. Просто давно отвык так много разговаривать. Стал уставать.

– Надо же, – хмыкнул Бычков, – а я-то всегда считал, что переводчики в силу своей профессии умеют трещать с утра до вечера.

Что-то в его интонации почудилось странное, но я списал это на собственную головную боль, искажающую восприятие.

Я объяснил, что моя основная работа – это письменные переводы, причем преимущественно научной и технической литературы. Правда, в последние десять лет я начал развлекаться переводом фильмов и сериалов, чтобы следить за развитием разговорной речи в тех странах, языками которых я владел. К сожалению, кинопродукция российских производителей на американском рынке спросом не пользовалась, поэтому заказов на переводы с русского не было, и научиться распознавать на слух все новые и новые сленговые выражения я не успел.

Технический прогресс позволил мне залатать брешь в образованности по части кино: можно было не страдать от того, что не можешь посещать кинотеатры, а спокойно смотреть фильмы дома, настроив громкость так, чтобы не звенело в ушах, и делая паузы через каждые 15–20 минут. Благодаря этому для меня открылась новая ниша, в которой можно было зарабатывать. Конечно, заработок для меня важен чисто психологически, так что русские фильмы я могу смотреть и без всяких заказов, что я, собственно, и делаю довольно регулярно, но при этом сталкиваюсь с очень смешной проблемой. Живую современную речь можно услышать чаще всего в дешевых сериалах, снятых за очень скромные деньги, но в таких сериалах пишется «живой звук», при котором и русскоязычному-то зрителю порой трудно разобрать слова и целые диалоги, а уж мне и подавно. Если же фильм сделан как следует, со студийным озвучиванием, то и диалоги персонажей, как правило, более академичны и приносят мне мало нового.

– Слушать я могу действительно долго, а вот много говорить не люблю. Трудно.

– Как же вы намерены осуществлять свою затею, коль не любите много говорить? Там ведь отмолчаться не удастся, – скептически заметил Назар Захарович.

– Буду терпеть, – коротко ответил я и добавил: – Если хочешь получить результат, приходится терпеть неудобства.

С покорностью овцы, идущей на заклание, я ждал вполне логичного следующего вопроса: зачем же мне терпеть неудобства, если не ради денег? Для чего мне так уж нужно получить искомый результат? И мне снова придется отделяваться нейтральным «это личное» и почувствовать новую волну холода и отчуждения.

Но полковник ничего не спросил.

В молчании мы проехали оставшуюся часть пути. Заговорил Бычков только тогда, когда машина остановилась у входа в отель.

– Вам будет непросто, господин Уайли...

– Просто Ричард, – перебил я. – Или еще короче – Дик.

– Хорошо, Дик. Ко мне тоже можно обращаться без отчества. Так вот, вам будет очень непросто осуществить ваш проект. Надеюсь, юрист, который с вами сотрудничает, вас не подведет. Но если нужна будет какая-то помощь – обращайтесь. Уверен, что смогу быть вам полезен.

– Чем же? – спросил я, довольно, надо признать, глупо и даже бестактно.

– У любого преподавателя есть ученики. А если преподаешь долго, то и учеников много. Жизнь – она штука разнообразная, особенно в нашей стране и особенно в наше время, никогда не угадаешь, где можешь встретить того, кого когда-то обучал. Мои ученики – это ведь не только те, кто у меня в аудитории сидел, но еще и те, кого я натаскивал, пока работал на практике.

Как он сказал, когда мы разговаривали в баре? «Из стариковской вредности»? Вот именно она-то и сыграла во мне в этот момент. Слова слетели с языка прежде, чем я успел сообразить, что не стоило бы их произносить.

– Для чего вам это? Зачем ввязываться в сомнительный и сложный проект, который не принесет вам ничего, кроме хлопот и беспокойства?

Бычков на несколько мгновений будто окаменел, потом расхохотался.

– Да-а, – протянул он сквозь смех, – похоже, ваш предок... как его звали?

– Джонатан, – подсказал я недоуменно.

– Да, Джонатан. Так вот, он, похоже, был не так уж и неправ. В его затее определенно есть рациональное зерно. Если он действительно был эксцентричным человеком с несносным характером, то вы – вполне достойный его потомок. Не знаю, как там у вас в Америке, а в нашей стране во времена моего детства на слова «Ты дурак!» мальчишки обычно отвечали «Сам дурак!» или «От такого же слышу».

– Хотите сказать, что я впадаю в детство?

– Я тоже впадаю, – спокойно проговорил Бычков. – Не зря же на Руси говорят: старый – что малый.

Он вынул из кармана бумажник, достал и протянул мне визитку.

– Подумайте, Дик. Интересующий вас период я знаю неплохо, не забыл еще. Так что звоните, если будет нужда во мне. И с людьми помогу. Переводчиков, конечно, вряд ли подыщу, это не моя епархия, но с этим, я так полагаю, вы и сами справитесь, это все-таки ваши коллеги. А вот охранники или психологи – это по моей части. И кто вам еще будет нужен?

– Культурологи и актеры.

– Вот! С актерами тоже помогу и с реквизитом, если будет нужно.

– Неужели кто-то из ваших учеников переквалифицировался в артисты? – не поверил я.

– Ну, чудес-то не бывает, – усмехнулся Назар Захарович, – но у моих учеников есть друзья, родственники и иногда даже супруги.

Мы распрощались, и я снова ощутил жесткую силу его сухой ладони.

* * *

Сидя в старенькой, забрызганной грязью машине, взятой на время у приятеля, он с тоскливым нетерпением ждал, когда эти два старых перечника в черном джипе закончат наконец трепаться. Ну сколько можно! Уже почти полночь, он устал, голоден, и вообще хочется прийти домой, растянуться на диване и предаться своему любимому занятию – мечтать. Строить планы. Представлять, как это будет... Он получит деньги, уедет туда, где всегда солнечно и тепло и тихо плещет море, купит дом, заведет длинноногую куколку и будет каждый день любоваться закатом, попивая хорошее вино на увитой цветами веранде... Собаку заведет обязательно, большую, лохматую, умную. Например, ретривера. Нет, лучше двух собак. Или даже трех.

Открылась пассажирская дверь, американец вышел и направился к дверям отеля, джип отъехал и через несколько секунд скрылся из виду. Ну вот, на сегодня все. Можно двигаться домой. Только позвонить нужно, чтобы дома не тратить на это время и сразу, едва раздевшись, приступить к мечтам.

Он вытащил из кармана телефон, посмотрел на дисплей и поморщился: интернет не тянет, слишком близко к Кремлю, кругом сплошные глушилки. Телефонная связь, конечно, работает отлично, но не звонить же за свои деньги! Их и без того не хватает. Нет уж, лучше позвонить минут через пять, когда отъедет подальше от этого клятого центра с его повышенными мерами безопасности. Хорошо быть богатым и не считать каждую копейку! Ну ничего, скоро, уже совсем скоро и он тоже считать не будет.

Мысль привычно съехала на сладкие мечты, и спохватился он только минут через двадцать, стоя на перекрестке на «долгом» светофоре: он же не позвонил! В этом месте интернет работал отлично. Прикосновение пальца к иконке ватсап, еще одно прикосновение к строчке с нужным именем – и вот уже слышны гудки, а потом голос, от звуков которого на лице почему-то невольно расплывается улыбка. И пусть голос недовольный, это совершенно не влияет на хорошее настроение!

– Почему так долго? Ну, что там?

– Ничего особенного. С утра был на конференции, потом встречался с юристом.

– Юрист тот же? Или другой?

– Тот же самый.

– Ладно. Дальше что?

– Дальше встречался с каким-то дедом, сначала в отеле в баре сидели, потом поехали куда-то на квартиру...

– Точно на квартиру?

– Ну не знаю, там жилой дом, они вошли в подъезд, а уж что там и как – я не в курсе.

– Ладно. Что потом?

– Потом вышли. Дед отвез его в отель, высадил, уехал. Всё.

– Что за дед?

– Слушай, птичка, а ты не зарываешься? – рассердился он. Больше, правда, наигранно, потому что по-настоящему сердиться на птичку с таким божественным голосом он никогда не умел. – Я не справочное бюро и не экстрасенс. Делаю, что могу. И между прочим, пока бесплатно.

– Ладно, не кипятись, – голос стал мягче. – Значит, опять юрист... И дед какой-то... Наследство, что ли, пытается выкопать? Зачем ему юрист?

– Птичка, твои вопросы не по адресу.

Красный сигнал светофора сменился зеленым, машины тронулись, и ему пришлось переключить внимание, поэтому последние слова он произнес быстро и скомканно.

– Что? Что ты сказал? – нервно переспросил божественный голос.

Просто удивительно, что он так и не смог забыть этот голос за столько лет! Птичку давно забыл и не вспоминал, а стоило услышать ее голос – и появилось ощущение, что разговаривал с ней в последний раз только вчера.

– Я сказал, что твои вопросы не по адресу, – терпеливо повторил он. – Если ты хочешь иметь разветвленную шпионскую сеть с подслушиванием и подглядыванием, то это не ко мне. У меня из техники только машина, старая и тухлая, и та не моя. От отеля до жилого дома за дедовым джипом еле угнал, хорошо еще, что пробки, движение затруднено. А по свободным дорогам мне за ним тащиться вообще беспонтово, так что когда дед американца высадил у отеля, я за ним не поехал.

– На завтра какой план? – требовательно спросил божественный голос.

– Завтра закрытие конференции и банкет.

– Смотри, не упusti ничего.

– Да иди ты, – беззлобно усмехнулся он. – Тоже мне, начальница. Начальник тот, кто платит. А тот, кто просит, это уже не начальник, птичка моя сладкоголосая.

Он жил у самой Кольцевой дороги, в блочном доме, в квартире, превращенной бывшей женой в коммуналку: после весьма недолгого брака и быстрого развода она разделила лицевой счет, превратила отдельную квартиру в коммунальную, стала собственницей одной из двух комнат и продала свою жилплощадь. С тех пор соседи менялись несколько раз. Теперь у него за стеной жила молодая пара с маленьким ребенком. В общем и целом ему было все равно, с кем делить квартиру, лишь бы соблюдался график уборки и никто не мешал лежать и мечтать.

Стараясь не шуметь, он вошел в прихожую, скинул куртку и ботинки, отпер дверь в свою комнату. Когда уходил утром – сказал себе, что надо бы прибраться, комната и без того небольшая, а он такой бардак развел. Решил отложить уборку на вечер, не думал ведь, что вернется так поздно. Глаза б не глядели на этот развал... Ничего, можно и не глядеть. Просто не зажигать свет, пробраться к дивану, лечь, натянуть плед. И мечтать. О собственном доме, в котором всегда будет порядок, потому что за ним следит горничная.

* * *

Заключительное мероприятие конференции прошло без неожиданностей: всех участников благодарили, всех проинформировали о порядке подготовки сборника докладов и выступлений, рассказали, какой неоценимый вклад в искусство перевода с русского языка и на русский мы внесли... Одним словом, ничего нового. В самом конце – рассказали об организации оставшейся части культурной программы и пригласили на банкет, который должен был начаться в этом же здании через полчаса.

На банкет я, разумеется, идти не собирался, равно как и не намеревался участвовать в предлагаемых экскурсиях и посещении театра: у меня хватало других дел, а многолюдное общество отнюдь не прельщало. Дабы не показаться невежливым, нужно было найти в бурлящей в просторном холле толпе нескольких человек и попрощаться. Лавируя между людьми и чувствуя, как нарастает раздражение и трусливое желание просто сбежать, никого не предупредив, я вдруг заметил изящную элегантную женщину. Именно так: заметил. Оценил чисто по-мужски. И только через несколько мгновений узнал. И тут же засомневался. Нет, это никак не может быть она, наверняка я ошибся, обознался, что и неудивительно, ведь я видел ее всего один раз на протяжении нескольких минут и особо не разглядывал...

Женщина повернула голову, ища кого-то глазами, наткнулась взглядом на меня, улыбнулась и приветственно помахала рукой. Значит, я не обознался. Но как? Почему?

Да, это была она, Элла, жена Назара Захаровича Бычкова. Дорогой васильково-синий костюм, на груди, на широкой ленточке, висит бейдж с именем латиницей и кириллицей: «Элеонора Лозинцева».

– Вы имеете отношение к переводчикам? – спросил я, подойдя к ней.

Да, знаю: хорошими манерами я не отличаюсь. И вообще, я несносный человек, мне об этом рано или поздно заявляли почти все мужчины и все без исключения женщины, с которыми приходилось общаться.

– Я и сама переводчик, – улыбнулась она. – Назар вам не сказал?

– Нет. Он сказал только, что вы рисуете акриловыми красками. А основная ваша работа состоит в том, чтобы быть его женой.

– Только в свободное время, – рассмеялась Элла. – Узнаю Назара! Это вполне в его стиле. Впрочем, если женщина в шестьдесят лет вступает в третий брак, то у мужчины появляются все основания считать, что несчастная всю жизнь искала и ждала именно его, и теперь он – главное в ее жизни.

– А это не так?

– Смотря что именно. Третий брак – правда. У меня за спиной два развода. Но Назара я не искала и не ждала, я просто знала, что он есть. И не могла забыть.

В это легко было поверить, я ведь тоже не мог забыть свою скрипачку и всех женщин, а их было отнюдь не мало в моей жизни, сравнивал с ней. Сравнение всегда оказывалось в ее пользу...

– Вы идете на банкет? – спросила она.

– Нет, как раз ищу кое-кого, чтобы попрощаться и предупредить, что меня не будет.

Элла понимающе кивнула.

– Я вот тоже размышляю... Жаль тратить время на застолье. Со всеми, кто мне нужен, я уже встретилась и пообщалась. Пожалуй, поеду. Если хотите, могу вас подвезти.

Вообще-то еще пять минут назад я намеревался пройти пешком, прогуляться, благо дождя сегодня не было, над Москвой висел тихий серенький день, безветренный, унылый, но спокойный.

– Спасибо, с удовольствием приму ваше предложение, – ответил я в полном соответствии с собственным несносным характером и готовностью принимать странные, глупые решения.

Через 15 минут мы встретились на забитой автомобилями парковке и уселись в маленькую белую машинку, «Ниссан Джук». Выходит, мне не показалось, что слова Бычкова были произнесены с какой-то не такой интонацией, когда накануне он рассуждал о способности переводчиков часами разговаривать без усталости. Его жена – моя коллега, но по каким-то причинам полковник считал нужным об этом умолчать. А может быть, и не было никаких причин? Может быть, просто особенности характера?

– И все-таки мне непонятно, – сказал я, – когда вчера нас с вами познакомили, разве не естественно было бы сказать, что вы тоже переводчик?

– Естественно, – кивнула она, не отрывая глаз от идущей впереди машины, – для большинства людей. Но не для Назара. Он никогда не скажет лишнего, такого, что не имеет непосредственного отношения к обсуждаемому делу. К вашей проблеме моя профессия отношения не имела, поэтому он промолчал. У него это называется «не перегружать информационное пространство».

– Значит, вы знаете, какая у меня проблема?

– Конечно. Назар рассказал еще вчера, когда вернулся. Вас это беспокоит? Он не должен был мне ничего говорить?

– Нет-нет, все в порядке, – заверил я ее, – здесь нет никаких секретов. Даже наоборот, хорошо, что вы уже все знаете, это избавляет меня от необходимости еще раз долго и нудно рассказывать.

– Да, – снова кивнула она, – Назар предупредил, что вы не большой охотник до болтовни. И еще он сказал, что к вам можно обращаться по имени. Мне тоже можно?

– Ну разумеется!

– Так вот, Дик... – она помолчала. – Назар очень заинтересовался вашим проектом. Не могу объяснить почему, но вижу, что ваши вчерашние разговоры разбредили какую-то старую рану. Что-то из того времени не дает ему покоя. Не отталкивайте его, пожалуйста. Если вам будет нужна любая помощь – позвоните ему, он будет рад. Искренне рад.

И неожиданно для самого себя я испытал облегчение. Бычков мне очень понравился, но я все-таки был убежден, что и помощь он предлагал, и визитку свою оставил исключительно из вежливости, и искренне сожалел, что не произвел на него хорошего впечатления.

Элла довезла меня до нотариальной конторы, где была назначена встреча с Андреем Сорокопятом для составления доверенности.

– Отчаянный вы человек, – заметила жена Бычкова на прощание. – Собираетесь доверить совершенно незнакомому человеку открыть от вашего имени фирму и все организовать... Я бы не решилась. У вашего юриста хотя бы рекомендации есть? За него кто-нибудь поручился?

– Рекомендации есть, очень хорошие, и поручители солидные. Но в целом вы, конечно, правы, – я усмехнулся, – в приличном обществе таких, как я, именуют большими оригиналами, а в неприличных – полными идиотами. Но я смирился и привык, а с годами стал находить в этом обстоятельстве особую прелесть. Когда тебя считают идиотом, от тебя ничего не требуют и не ждут. Согласитесь, это весьма удобно.

Элла рассмеялась и протянула мне руку на прощание. Наверное, следовало бы руку даме поцеловать, но я ее крепко пожал. Отвык я от хороших манер, а может быть, и не обладал ими никогда.

* * *

Если бы меня спросили, чьи черты в моем характере проявлены наиболее выразительно, я бы ответил, что я – истинный Уайли. И даже Уайли-Уайли, ибо, как я уже говорил, Джонатан и его зять носили одну и ту же фамилию вовсе не по причине кровного родства, а по прихоти моего прапрадеда. Так же, как и Джонатан, я обладал скверным характером, совершал необъяснимые поступки и принимал нелогичные и не самые удачные решения. Так же, как Эмилия, любимая жена Джонатана, я страдал мигренью. Так же, как и Фрэнк Уайли, «назначенный» быть мужем Грейс, я любил одиночество и умел без особого труда терпеть неудобные обстоятельства и мириться с ними. Так же, как прабабушка Грейс, я был одержим тем, чем занимался, и готов был совершенствоваться в своем деле до бесконечности.

Моим прямым предком суждено было стать младшему сыну Грейс и Фрэнка, родившемуся в 1868 году. Кстати, эксцентричность Джонатана забавным образом проявилась и в выборе имени ребенка: в английской традиции именем отца обычно называли старшего сына,

а не младшего. В семье Уайли поступили иначе: старшему мальчику дали имя Эндрю, а вот младшего по настоянию Джонатана назвали как раз Фрэнком. Средний ребенок, девочка, рожденная моей прабабкой не от мужа, а от Купера, носила имя Марджори.

Благодаря тому, что Джонатан ухитрился испортить отношения не только со всей родней, но и со всем «обществом» города, на чудачества в семье Уайли со временем перестали обращать внимание, как, впрочем, и на саму семью в целом. Грейс с утра до ночи пропадала в клинике, где могла заниматься научными изысканиями рядом со своим обожаемым Купером, ее муж, тихий философ, любивший книги и не любивший светскую жизнь, целыми днями просиживал в своем кабинете над толстыми томами, что-то без конца записывал в тетради, порой выходя из дома и неспешно прогуливаясь по улицам, при этом он настолько погружался в размышления, что не замечал знакомых и не отвечал на приветствия. Приемов супруги Уайли не устраивали, визитов не делали, клубы не посещали, в благотворительных балах не участвовали, одним словом, как сказали бы в нынешнее время, они «выпали из обоймы».

В 1865 году монах Грегор Иоганн Мендель обнародовал перед Обществом естествоиспытателей результаты своих опытов с растительными гибридами, фактически положив начало генетике, хотя в тот момент этого никто не понял и не оценил. Спустя четыре года вышла монография Фрэнсиса Гальтона «Наследственный гений». Новое понимание законов наследственности взбудоражило ум Джонатана Уайли, одержимого желанием разобраться в природе мигрени и найти лекарство от этого недуга. Его интерес был горячо поддержан не только Купером, но, совершенно неожиданно, и зятем, Фрэнком Уайли. Какие особенности характера и физического здоровья передаются по наследству, а какие определяются воспитанием и условиями жизни? Для того чтобы судить об этом, нужно вести тщательное наблюдение за несколькими поколениями, а затем обобщить накопленные знания.

Жаркие споры и увлеченные обсуждения велись несколько недель, после чего Джонатан огласил свой вердикт: весь имеющийся в его распоряжении капитал он делит на две части. Одна часть предназначена для поддержания жизни семьи и научных исследований Купера, другая же часть становится основой для долгосрочного проекта, рассчитанного на 150 лет. Ведение и юридическое обеспечение проекта поручается адвокатской конторе «Берлингтон и сын», в случае же, если контора прекратит свое существование, проект передается адвокатской фирме из «первой четверки лучших в США». По окончании проекта, в 2020 году, должно быть написано добросовестное научное исследование по результатам полуторавековых наблюдений. Автором исследования может явиться кто угодно, гражданин любой страны, любого пола, возраста и социального статуса. Более того, число авторов и, соответственно, число итоговых исследований не ограничено: каждый человек может иметь право на попытку. В любом случае научный уровень и научная добросовестность работы должны быть оценены экспертной комиссией, состоящей из ученых-специалистов. Если будет представлено несколько работ, комиссия выберет лучшую. Если же работа окажется всего одна, комиссия все равно подвергнет ее оценке и имеет право отказать соискателю в выплате вознаграждения, если сочтет уровень недостаточно высоким. В этом случае прием работ будет вестись до тех пор, пока комиссия не признает какой-либо труд действительно достойным.

Джонатан в тот момент не сомневался, что все его потомки будут вести требуемые записи, в которых скрупулезно и дотошно отразят события своей жизни, опишут чувства, эмоции и даже сны, обоснуют принимаемые решения, проанализируют состояние здоровья. Непрерывность наблюдения из месяца в месяц и из поколения в поколение стала тем стержнем, на который нанизывались все прочие условия проекта, в том числе и финансовые. Тот, кто добросовестно и постоянно ведет записи, получает ежегодное вознаграждение, довольно существенное. Если записи в течение длительного времени не ведутся, право на вознаграждение утрачивается навсегда. Исключением могут быть только случаи, когда перерыв в наблюдениях вызван уважительными причинами, но и в этом случае «Берлингтон и сын» должны быть пред-

варительно поставлены в известность о том, что в положенное время ежемесячный отчет представлен не будет, но пропущенный период непременно будет подробнейшим образом отражен в следующем отчете. При отсутствии подобного предупреждения выплаты прекращаются.

На контору Берлингтона и ее будущих правопреемников налагалась также обязанность по приисканию финансовых инструментов, позволяющих не только сохранять, но и приумножать выделенные на проект средства с тем, чтобы итоговая выплата через 150 лет стала достаточно внушительной и при этом не утрачивалась возможность поддерживать сам проект, то есть обеспечивать документооборот, финансовый контроль и регулярно выплачивать вознаграждение тем, кто ведет записи.

Мой прапрадед был уверен, что предусмотрел всё. Документ, в котором он расписывал свою затею, оказался огромным и наполненным множеством мелких подробностей и уточнений. Берлингтон давно уже перестал чему бы то ни было удивляться, когда на пороге его кабинета возникала фигура Джонатана Уайли: он просто выслушивал богатого чудаковатого клиента и делал так, как тот хотел.

Надо признать, что в первые несколько лет у Джонатана не возникло никаких оснований для сомнений в своей правоте. Фрэнк с энтузиазмом принялся за дело, совершенно забросив свои философские труды и полностью погрузившись в наблюдения за детьми. О том, что Марджори не его дочь, он, разумеется, знал, но считал, что это более чем умеренная плата за возможность вести спокойный уединенный и достаточно роскошный образ жизни в просторном и красиво обставленном удобном доме. Кроме того, девочка в глазах Фрэнка вообще имела малую ценность, зато оба сына – несомненно его дети, его гордость, наследники, похожие и на самого Фрэнка, и друг на друга. Джонатан же, не страдавший излишней деликатностью, заявил напрямую:

– Очень хорошо, что Грейс родила одного ребенка от Купера и двоих от Фрэнка. Это даст возможность проследить, как проявится наследственность Уайли в сочетании с наследственностью разных отцов, но в условиях одинакового воспитания.

Такая циничная откровенность покорила и Фрэнка, и Купера, и саму Грейс, но все промолчали, сделав вид, что ничего особенного не случилось. Все зависели от старого Джонатана, все жили на его деньги и плясали под его дудку. Без денег Джонатана придется закрыть клинику Купера, и Грейс не сможет проводить с ним дни напролет. Без денег Джонатана не на что будет растить детей, а Фрэнку придется искать работу учителя или репортера вместо того, чтобы наслаждаться теплым уютным домом с немногочисленной, но вышколенной прислугой.

Бестактный цинизм моего прапрадеда простирался так далеко, что себя самого, а также дочь, зятя и Купера он стал называть «производителями».

– Каждый производитель должен написать подробнейшее изложение своей жизни, а также все, что он знает о своих предках. Это станет первоначальной базой для исследования, – говорил он.

И начал с себя. Всё, что мне известно о Джонатане, я вычитал в его жизнеописании и в последующих дневниках, которые правильнее было бы именовать ежемесячниками. Джонатан подавал пример всем остальным, старательно ведя записи и строго в установленные дни передавая их в контору «Берлингтон и сын».

Все шло как по маслу. После смерти Джонатана в 1877 году проект продолжал развиваться благодаря неослабевающим усилиям Грейс, ее мужа и ее любовника. Жизнь менялась не так быстро, и технический прогресс хотя и казался стремительным, но на самом деле, если сравнивать с концом XX века и началом XXI, полз черепашью шагом. Ничто не предвещало, как говорится...

Перелом наступил в середине 1880-х, когда дети Грейс один за другим начали выпархивать из родительского гнезда.

Первой из дома ушла Марджори, по уши влюбившись в Оливера Линтона, нищего журналиста, сочувствовавшего идеям социализма. Ежегодное пособие, высылаемое Берлингтоном, оказалось для молодой семьи единственным способом выжить, ибо полученное приданое прожили даже раньше, чем родился первый ребенок. Старший сын, Эндрю, с детства проявлял склонность к профессии актера, но честно пытался, под давлением Фрэнка-старшего и Грейс, получить «приличное» образование, однако не преуспел, какое-то время болтался без дела, а потом просто сбежал, оставив прощальную записку и пообещав непременно дать знать о себе. Записка была показана в конторе «Берлингтон и сын» с обещанием непременно представить отчет за пропущенный период. Письмо от беглеца пришло только через год: Эндрю сообщал, что поступил в труппу где-то на Юге. Никто в семье Уайли не сомневался, что труппа какая-нибудь третьеразрядная. Старшему сыну немедленно был направлен ответ, в котором говорилось примерно следующее (самого письма я не видел, цитирую по записям Грейс): «Ты можешь жить как хочешь и где хочешь, на все твоя воля, но каждый месяц ты должен присылать отчет. И не забудь подробнейшим образом изложить все события последнего года. Помни, что интересы науки выше твоих личных амбиций». Вероятно, Эндрю был сильно задет, потому что второе письмо, оно же и последнее, пришло довольно быстро. Оно оказалось приложено к очередному отчету Фрэнка-старшего, поэтому я имел возможность с ним ознакомиться. «Я всегда чувствовал, – писал Эндрю, – что мы с братом и сестрой являемся лишь инструментом для набивания ненасытной утробы ваших чудовищных устремлений, не имеющих ничего общего с настоящей наукой. Я не желаю класть свою жизнь и свое личное счастье на этот ложный, гнилой алтарь. Занимайтесь своей алхимией без меня. Мардж слишком дорожит своим бездарным писакой, чтобы отказаться от денег, которые получает от Берлингтона. Надеюсь, Фрэнки окажется умнее и тоже откажется подпитывать ваши никчемные амбиции, которые если и есть, то как раз у вас, а вовсе не у меня. Я просто хочу жить свободно. Можете сказать Берлингтону, что в его деньгах я не нуждаюсь и от меня он не получит больше ни слова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.